

An ornate interior room featuring a large, multi-tiered chandelier with lit candles. The walls are decorated with a red and gold border, and a row of arched niches containing dark silhouettes of figures. A large painting of a landscape with a prominent tree and figures is visible in the background. The floor is covered with a patterned carpet.

Валерия Вербинина
Адъютанты удачи

Адъютанты удачи

Валерия Вербинина

Адъютанты удачи

«Автор»

2011

Вербинина В.

Адъютанты удачи / В. Вербинина — «Автор»,
2011 — (Адъютанты удачи)

ISBN 978-5-699-49249-7

Полина Серова неожиданно для себя стала секретным агентом российского императора! В обществе офицера Алексея Каверина она прибыла в Париж, собираясь выполнить свое первое задание – достать секретные документы, крайне важные для России. Они с Алексеем явились на бал-маскарад в особняк, где спрятана шкатулка с документами, но вместо нее нашли другую, с какими-то старыми письмами... Чтобы не хранить улику, Алексей избавился от ненужной шкатулки, но вскоре выяснилось – в этих письмах указан путь к сокровищам французской короны, которые разыскивает сам король Луи-Филипп! Теперь Полине и Алексею придется искать то, что они так опрометчиво выбросили. А поможет им не кто иной, как самый прославленный сыщик всех времен – Видок!

ISBN 978-5-699-49249-7

© Вербинина В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерия Вербинина

Адъютанты удачи

Глава 1

Поэтическая зависть. – Ястреб и цветочница. – Господин без шляпы и господин с тростью. – Кое-что о спицах и разных способах их употребления. – Явление Полины

6 июля 1836 года, незадолго до заката солнца, на набережной Тюильри стоял молодой человек и бросал в воду камешки. Несмотря на довольно поздний час, на улицах и бульварах прекрасного города Парижа было еще довольно много гуляющих. Господа во фраках, коротких пестрых жилетах и с пышными, искусно повязанными галстуками вели под руку дам с осинной талией, подчеркнутой огромными рукавами и длинными, расходящимися книзу юбками в бесчисленных оборках. Редкую головку не венчал капор с широкими полями, украшенный то перьями, то цветами, то лентами, а то и всем сразу. Большинство мужчин было в цилиндрах, однако кое-где попадались головные уборы попроще – фетровые шляпы и картузы. Юноша же, который швырял камешки (он наблюдал за расходящимися по воде кругами, но время от времени оборачивался к текущей мимо толпе), был и вовсе без шляпы. Отметим, впрочем, что по всем остальным статьям молодой человек не разочаровал бы издателя модного журнала. Черный, безупречно скроенный портным фрак как нельзя лучше облекал безупречно скроенную Создателем фигуру, панталоны не открывали носков, но и не волочились по земле, атласный жилет жемчужно-серого оттенка, затканый светлыми цветами, снискал бы одобрение самого придиричивого светского денди, а подобранный в тон жилету галстук был не галстуком, а прямо-таки целой поэмой, поэмой из шелка, гимном изысканности, да что там гимном – мечтой любого поэта, и я лично знаю таких, которые, увидев подобный галстук, не поленились бы отдать за него все три тома своих сочинений вкупе со сборником «Избранное» и самой старушкой музой в придачу.

Однако если бедные поэты и позавидовали бы одежде незнакомца, то гораздо больше было таких, кто с удовольствием продал бы душу, титул, друзей, жену и тещу, чтобы заполучить внешность сего элегантного метателя камешков. Вообразите себе молодого человека в самом цвете лет, а именно двадцати семи лет от роду, с пшеничными волосами, тонкими чертами лица, прямым носом и серо-зелеными глазами в черных ресницах, и вы поймете, отчего юная продавщица цветов Жанетт, проходившая мимо со старым господином, похожим на сильно усохшего ястреба (замечу кстати, что тот не был ей отцом), покраснела и, не удержавшись, прошептала вслух: «Какой хорошенький!» Ястреб при этих словах спутницы дернул шеей и почувствовал приближение очередного приступа язвы.

Молодой человек метнул на Жанетт быстрый взгляд, и очередной камешек, описав дугу, плюхнулся в воду. Пожалуй, взгляд был единственным в облике незнакомца, что оставляло после себя неприятный осадок. Так смотрит человек, который знает, чего стоит наш мир, и ни капельки не обманывается на его счет. Как правило, таким людям лучше знакома изнанка жизни, нежели ее солнечная сторона, а Алексей Каверин (ибо так звали нашего незнакомца) и впрямь не мог похвастаться тем, что судьба чрезмерно баловала его. Родом из обедневших дворян, без связей и без громких заслуг в прошлом, он привык всего и всегда добиваться сам. Так как в наследство от родителей ему достались лишь имя да полуразвалившийся домик на

Черной речке, Алексей слишком рано понял, что во всем остальном может рассчитывать лишь на самого себя. Подобно большинству молодых людей из хороших семей, не обремененных достатком, перед ним открывались две дороги: либо унылая чиновничья служба с медленным продвижением по ступеням табели о рангах, с казенщиной и непременным подхалимажем, либо служба армейская, то есть эполеты, дым славы, героические подвиги и, возможно, преждевременная смерть. Тем не менее Каверин выбрал армию, более отвечающую его нетерпеливому характеру и жажде действий. Увы, именно последние в конце концов заставили его отличиться, да так, что молодой человек едва не угодил в крепость. Но тут вмешалась всемогущая госпожа удача.

Она улыбнулась Каверину, точь-в-точь как цветочница Жанетт, и своей прелестной ручкой подправила несколько страниц в книге его судьбы, сделав так, что проступок Алексея, который при других обстоятельствах мог разрушить его жизнь, отныне считался чуть ли не благодеянием. Приободрившись, Каверин решил, что гроза миновала и теперь все будет по-прежнему, но оказалось, что это только начало – начало перемен, к которым он, по правде говоря, вовсе не был готов.

Теперь Алексей с видом скучающего бездельника стоял на парижской набережной и высматривал среди прохожих какого-то человека, а тот, судя по всему, никак не шел. Грохотали кареты, роскошные, новенькие и блестящие, с пышными гербами на дверцах, скрипели ветхие колымаги, сетуя на коварное время, за которым они были бессильны угнаться, лошади резво перебирали ногами и дробно стучали подковами по мостовой, иные же клячи плелись еле-еле, понуриив головы. Плясали султаны на лошадиных головах, тряслись лакеи на запятках, монотонно покрикивали кучера. Солнце в пурпурном тумане медленно опускалось в воды реки, на берегу которой вот-вот должна была произойти встреча, знаменательная для нашего повествования. И если Алексей в ближайшие несколько минут сделает правильный выбор, его ожидают головокружительные приключения, опасности и вожденная награда в конце (о которых он, впрочем, покамест даже не подозревает).

В толпе возник молодой человек с галстуком, украшенным булавкой с неопишущих размеров бриллиантом, который наверняка происходил по прямой линии от бутылочного стекла, а вовсе не от благородного алмаза. Алексей бросил горсть камешков, которую держал в левой руке, и поспешно двинулся к незнакомцу. Однако прежде, чем Каверин успел приблизиться к обладателю сверкающей булавки, от парапета набережной отделилась молодая девушка и бросилась тому навстречу. Она взволнованно заговорила о чем-то со смущенным юношей, и Алексей досадливо отвернулся. Но тут взгляд его упал на другого прохожего, который широко шагал, помахивая тростью с тяжелым набалдашником. Тот был человек в летах, с величественной осанкой и загорелым лицом, украшенным небольшими бакенбардами. Волосы его были рыжеватые, с проседью, орехового цвета умные глаза утопали в паутинке морщинок, около рта залегли глубокие складки. Шею господина охватывал галстук немислимой пышности, его пунцовый жилет способен был вогнать в тоску даже разворачивающийся в эти мгновения закат, а на мизинце красовалось кольцо с алым камнем. Больше всего незнакомец походил на зажиточного рантье, давно отошедшего от дел, и Алексей, очевидно, приняв какое-то решение, быстрым шагом подошел к нему.

Господин с тростью отступил и поглядел на молодого человека без шляпы с некоторым удивлением.

– Простите, сударь, – заговорил Каверин, заметно волнуясь, – но позвольте злоупотребить вашим вниманием.

– То есть? – настороженно осведомился мужчина.

– Вы не знаете меня, как и я вас. Тем не менее я бы хотел обратиться к вам с просьбой, если, конечно, вы никуда не спешите.

Господин набрал воздуха в грудь. Его маленькие, глубоко посаженные глаза оглядели безупречно говорившего по-французски франта с головы до ног.

– Хм, полагаю, что если даже я скажу вам, что спешу домой к своей Франсуазе, это вас не остановит, – выкладываете, что там у вас.

– Так, пустяк, – отозвался Алексей, тщательно подбирая слова. – На закате я должен встретиться в Булонском лесу с одним человеком. Я только что прибыл в Париж и еще не успел обзавестись знакомыми, а встреча такого рода, что на ней необходимо присутствие третьего лица. Поэтому я взял на себя смелость остановить вас.

– Взял смелость! – хмыкнул собеседник, однако в голосе его было куда меньше настороженности, чем прежде. – Ну что ж, смелости вам не занимать. Если я правильно вас понял, сударь, вы деретесь на дуэли, и вам до зарезу необходим секундант. Так?

– Совершенно верно.

– Любопытно, – проворчал господин с тростью, не переставая сверлить Алексея взглядом. – И с кем же вы деретесь, если не секрет?

Каверин сунул руку в карман и извлек оттуда визитную карточку.

– Вот с этим господином. С графом Максимом де Шевраном.

– Ого! – проговорил старик с невольным уважением. – И давно вы знакомы с месье де Шевраном?

Улыбка тронула губы Алексея.

– Уверю вас, я не слышал о нем вплоть до сегодняшнего дня.

– Женщина? – осведомился старик проницательно.

– Нет. Просто я имел несчастье толкнуть графа на бале масок у Эпине-Брокара, и он потребовал сатисфакции. Как человек чести я не мог ему отказать.

– Да, – сказал старик задумчиво, – это и впрямь похоже на месье де Шеврана.

– Обычная дуэль на шпагах, ничего особенного, – продолжал Алексей. – Если вы окажете мне честь присутствовать на ней, я буду вам премного благодарен.

– А если нет? – осведомился старик, вертя трость.

Каверин пожал плечами.

– Тогда я найду кого-нибудь другого.

И он коротко поклонился несговорчивому старику, собираясь уйти.

– По-моему, вы уже нашли того, кто вам нужен, – произнес его собеседник с едва заметной улыбкой, которая растворилась в морщинах его лица.

– Так вы согласны? – спросил Алексей. – Уверю вас, это ненадолго. Я только убью его, и вы будете свободны.

Старик скрипуче рассмеялся.

– О, дитя! – воскликнул он, грозя Каверину толстым скрюченным пальцем. – Отчего вы так уверены, что именно граф присоединится к большинству после вашей встречи, а не вы сами? Максим де Шевран – знаменитый фехтовальщик, другого такого не сыскать во всем Париже, если вы до сих пор не знали.

Следует отдать Алексею должное: при этом, прямо скажем, убийственном известии в его красивом лице не дрогнул ни один мускул.

– Признаться, я и впрямь не знал, – сказал он с подкупающей откровенностью. – Но теперь все равно поздно отступать.

Старик вздохнул.

– Хорошие слова, юноша. Как вас зовут?

– Алексис Каверин. Так вы согласны?

– Франсуаза, конечно, будет ждать меня сегодня, – спокойно проговорил старик, – и рассердится, если я не вернусь вовремя к ужину. Но, в конце концов, не в первый же раз. Договорились, сударь, я буду вашим секундантом.

Молодой человек учтиво поклонился.

– Благодарю вас, сударь. Вы и не подозреваете, какую услугу мне оказали.

– Ваша спица для обработки ребер при вас? – спросил старик.

– Простите? – удивился Алексей.

– Оружие у вас есть?

– Его должен доставить граф де Шевран.

– Тогда чего мы ждем? Едем в Булонский лес. – Старик махнул тростью, подзывая фиакр. – Кто знает, может быть, вам повезет, и он только ранит вас.

– Поживем – увидим, – отозвался Алексей.

– Вот именно, – согласился старик и снова неприятно рассмеялся. – А вот и свободный фиакр!

И в то мгновение, когда он произносил эти слова, на набережной показалось новое лицо – молодая особа женского пола в восхитительном платье нежно-сиреневого оттенка, которое заставило бы учащенно биться сердце любой модницы. Что же касается внешности обладательницы платья, то если бы в 1836 году додумались производить статистические опросы, то восемь из десяти мужчин наверняка признали бы сию особу очаровательной, а оставшиеся двое – просто обворожительной. Тем более загадочным представляется тот факт, что при появлении незнакомки Алексей насупился и поглядел на нее недружелюбно. И даже – да, да, именно так! – со скрытым вызовом.

– Я вижу, вы нашли себе секунданта? – осведомилась молодая особа тоном добродетельной классной дамы, которая только что обнаружила у первой ученицы спрятанный под партой любовный роман.

Алексей вспыхнул. И, сердито ответил, косясь на пожилого господина, ожесточенно торговавшегося с кучером:

– Полина Степановна, прошу вас! Мы уже об этом говорили, и я дал вам понять, что нахожу ваши доводы неубедительными. Тем не менее я дерусь – и точка!

– Даже несмотря на то, что нам известно? Наверняка граф не просто так вызвал вас на дуэль!

Алексей воинственно выпятил подбородок.

– Пусть так, но это ничего не меняет. Вам не о чем волноваться, сударыня. Я только прогуляюсь до Булонского леса, быстро разрешу наши с графом разногласия и вернусь.

Откроем читателю маленькую тайну: дело в том, что Алексей Каверин был бретер и задира ничуть не хуже своего противника, а что касается вспыльчивости, то ее у него хватило бы на дюжину французских графов, если не больше.

– Надеюсь, граф де Шевран быстро вас прикончит, – объявила молодая особа, невинно глядя на своего собеседника. – Не стану скрывать, милостивый государь, но я последняя, кто станет об этом сожалеть.

Однако Алексея было не пронять подобными колкостями, и его ответ был вполне достоин выпада дамы в сиреновом:

– Надеюсь, вы великодушно простите мою дерзость, но в таком случае я также вряд ли буду сожалеть, что лишился вашего общества. А впрочем, сударыня, я остаюсь вашим покорнейшим слугой.

Рыжеватый господин приблизился к спорщикам, с любопытством покосился на раскрасневшуюся молодую даму, чьи глаза метали молнии, и вполголоса осведомился у Каверина, не собирается ли он отказываться от своих планов.

– Менее всего на свете, – твердо ответил Алексей.

– Как зовут вашего секунданта? – спросила Полина Степановна.

– Какая разница? – небрежно отозвался Каверин. – Главное, что он – прекрасный и очень отзывчивый человек!

И молодой бретер вместе с прекрасным человеком, о существовании которого полчаса назад даже не подозревал, сел в фиакр, а Полина Степановна, оставшись на набережной одна, только укоризненно покачала головой.

Глава 2

Пери в истерике. – Великий замысел военного министра. – Неопишное коварство князя Г. – Превратности судьбы

Как видим, говоря старику о том, что в Париже у него нет ни единого знакомого, Алексей был не вполне точен. По правде говоря, знакомых набралось бы около десятка.

Первой из них следует назвать уже известную читателю Полину Степановну Серову, которую Гришка, денщик Каверина, весьма непочтительно, но небезосновательно именовал «анафемской барышней». Барышня была круглой сиротой восемнадцати лет от роду, очаровательной, доброй и покладистой – в те моменты, когда она не была упрямой, как стадо мулов, и назойливой, как репей. Именно два последних качества в полной мере пришлось испытать на себе князю Г., возглавлявшему N-ский гусарский полк, в котором числился друг детства Полины, голубоглазый обалдуй Лёвушка.

Что касается Лёвушки, то у него помимо прочих талантов имелся талант совершенно особенный. Есть люди, которые всегда умудряются выходить сухими из воды, а вот Лёвушка обладал способностью, совершенно противоположной, то есть влипал во все возможные и невозможные неприятности. И не то чтобы ему не везло – наоборот, он с невероятным упорством искал на свою голову приключений, а найдя их и получив по полной, искренне радовался, как хорошей шутке.

Последняя шутка, которую Лёвушка отмочил до того, как попал под арест, состояла в следующем: с группой приятелей, таких же балбесов, как и сам, он сорвал представление актрисы Глафиры Брандахлыстовой. Нет, актрису не освистали, не ошикали – молодые люди просто помешали ей играть, расхаживая по залу и громко беседуя во время представления. В результате пьеса с треском провалилась. Актриса устроила истерику, швырнула букетом в костюмершу и накричала на директора театра.

Я уже вижу, как вы пожимаете плечами: эка невидаль, несколько юношей пошалили, сделали глупость. И потом, мадам Брандахлыстова, если уж говорить начистоту, такая же актриса, как ваш дедушка – император Бразилии. Наивный мой читатель! Разве вы не знаете (но это только строго между нами), что госпожа Брандахлыстова пользуется милостью великого князя... (Нет, нет, трепещу, не смею назвать его имени.) Разве вам неведомо, что князь, невзирая на вовсе не юные лета, влюбился в нее, как мальчишка, посылает актрисе через адьютантов букеты, скрепленные бриллиантовыми браслетами, и даже – о ужас! – принялся сочинять стихи в ее честь? Разве вам неизвестно, что Глафира состоит под его покровительством, а значит, всякая обида, учиненная ей, рассматривается как прямое оскорбление самого князя? Ах, вы подозревали нечто подобное... Вы наконец-то поняли, почему сей унылой бездарности с писклявым голоском и неестественными интонациями достаются в газетах одни восторженные отзывы и почему ее называют северной пери и дивным виденьем нашей сцены...

А тут некстати явился гусар и, задорно брэнча шпорами, выставил северную пери на посмешище. Естественно, пери закатила любовнику истерику номер два по усиленной схеме и потребовала наказать виновных. Отправить их в Нерчинск! На рудники! Поставить к позорному столбу! А еще лучше – вообще лишить жизни!

И тогда как-то незаметно выяснилось, что приятели Лёвушки пошли за ним исключительно потому, что тот их подбил – обманул, заставил, опоил, – они вообще не ведали что творили, а госпоже Брандахлыстовой желают исключительно всяческих благ и пожизненного

процветания. Причем глаза их были при этих заявлениях такими кристально честными, что становилось даже как-то неловко, знаете ли.

Словом, приятели отвернулись, что и немудрено с их незамутненными помыслами и чистыми глазами, а Лёвушка – нет. Лёвушка не стал кривить душой: да, он сорвал представление нарочно. Просто Глафира успела порядком ему надоесть в предыдущей пьесе, портя своим присутствием все впечатление, и он решил как следует ее проучить.

– Голубчик, – сочувственно сказал ему третий калач, старый полковник, которого поставили разбирать дело «о возмутительном поведении в храме Мельпомены и подстрекательстве к общественным беспорядкам», – может быть, у вас есть дядюшка или родственник какой-нибудь, немножко того... тронутый? Вы бы сослались на родство, а там, глядишь, вас бы и помиловали.

Но Лёвушка не имел тронутых родственников, о чем честно и сообщил. Полковник вздохнул и покачал головой. Он не сомневался, что на сей раз молодой повеса крепко влип – и теперь уже не выпутается.

Впрочем, на этом свете бывает всякое. Бывает, что ошибаются даже и полковники, тертые калачи, – но только тогда, когда подсудимый имеет такую подругу детства, как мадемуазель Полина.

Прослышав о случившейся с Лёвущкой беде, Полина спешно собралась и из своего скромного имения примчалась в Петербург. В уме у нее было только одно: спасти друга, чего бы это ни стоило.

И мадемуазель энергично принялась за дело.

Полина стала хлопотать, интриговать, обивать пороги, а когда надо – рыдать, ломать руки, умолять и сулить деньги. Она напоминала о заслугах своего деда и прадеда Лёвущки, принимавших участие во всех войнах Екатерины. Клялась, что ее друга сбили с толку, а вообще-то тот чистый ангел, только что без крыльев. Она досаждала всем, кому только можно, выклянчивая освобождение Лёвущки, перспективы коего были, прямо скажем, не самые радужные. Но больше всего заступница измучила князя Г., командовавшего Лёвущкиным полком.

Дело в том, что князь Г., если только захотел, смог бы легко добиться прекращения дела. Он был на хорошем счету у императора, и если бы князь заявил, что Лёвущка, отличный товарищ и душа-человек, малость погорячился, – к нему бы прислушались, Лёвущку перестали бы терзать, и все бы окончилось наилучшим образом. Но, увы, князь Г. был дружен с великим князем, а точнее – не желал с ним ссориться.

Итак, великий князь с помощью своих клеветов упорно, но методично шил дерзкому гусару Лёвущке форменное дело. Уже вскрылось, что Лёвущка буян и состоит в подозрительной дружбе с родственниками кое-кого из сосланных декабристов. Уже над челом Лёвущки маячил ярлык без пяти минут мятежника и ниспровергателя государственного строя, а этого в те годы было вполне достаточно, чтобы пропасть. Бедный, бедный Лёвущка!

«Бедный, бедный я!» – мысленно простонал сейчас князь Г., которому слуга только что доложил, что мадемуазель Серова, явившаяся в приемную с утра, упорно не желает уходить, хотя шел уже седьмой час вечера.

Да, да, Полина буквально взяла князя в осаду. Она обложила его со всех сторон, как дикого зверя. Мадемуазель подружилась с его супругой и выплакалась на ее плече; вкралась в доверие к его матушке, и та послала сыну особое письмо о страданиях «несчастной барышни», хотя до того баловала сына письмами не чаще, чем раз в три года. Мало этого, Полина подстерегала князя в театре, на прогулке, в гостях – и неизменно порывалась кинуться к его ногам и всучить ему очередное прошение о помиловании Лёвущки. Причем каждое последующее послание становилось объемистее предыдущего и содержало в себе все новые и новые детали о беспорочном Лёвущкином характере и его хрустальной душе.

Следует отдать ему должное, князь Г. никогда не жаловался на свою судьбу. Более того, всегда принимал ее с достоинством, хотя всем известно, что принадлежать к одной из первых фамилий России, пользоваться доверием императора и иметь сорок тысяч годового дохода – чертовски нелегко. Однако в эти дни князь Г. стал находить, что лучше не командовать полком, а носить чин помельче да поскромнее. Что может быть лучше, чем сидеть где-нибудь в глуши скромным титулярным советником да распивать чай с вареньем! На такие, прямо скажем, революционные мысли его натолкнул не кто иной, как провинциальная барышня с незабудковыми глазами – барышня, совершенно забывшая приличия, кои предписывают каждому безропотно принимать свою (а в особенности чужую) судьбу, и затерзавшая князя мольбами отпустить ее товарища детства.

– Я не принимаю, – страдальчески простонал князь Г., проводя трепещущей рукой по влажному от пота лбу.

Лакей стоял навытяжку, и в его глазах князь внезапно уловил нечто вроде сочувствия. Как бы там ни было, вельможа рассердился, что имело великие последствия.

– Прости... – прохрипел князь и рухнул в кресло.

Часы пробили половину седьмого, когда мучительница князя нарисовалась в дверях.

– Ваше сиятельство! – с порога вскричала она.

И князь Г. понял, что пропал, погиб. Что мадемуазель никогда не отстанет от него, пока не получит своего бесценного олуха Лёвушку. Вся его решимость враз куда-то улетучилась, он съезжился в кресле, и глаза его вовсе не сиятельно стали с тоскою блуждать по кабинету.

– Сударыня, – простонал князь, незаметно ослабляя галстук, – вы просите невозможного. Ваш знакомый...

И тут, когда его мысль билась в тупике, язык тщетно старался найти подходящие случаю казенные обороты, а страшная барышня стояла уже совсем близко, вперив в него беспощадный незабудковый взор, – тут перед ним забрезжил свет.

Да, князь узрел надежду на спасение – и воспрянул духом.

Никак, ну никак Лёвушку нельзя было отпустить, не став на веки вечные врагом великого князя. Но можно было обернуть дело совершенно иным образом.

Дело в том, что великий князь, равно как и начальник Лёвушки, были на ножах с военным министром – графом Чернышевым. Коротко говоря, оба князя спали и видели, как бы сделать так, чтобы Чернышев проштрафился и его бы с позором выставили вон. Но, увы, граф не подавал к тому ни малейшего повода, а военные кампании, которые велись в те времена Российской империей, шли скорее с успехом, чем наоборот. Поэтому надо было найти какой-нибудь другой повод низвергнуть министра.

И тут Чернышев сделал то, что человек служивый (в особенности в Российской империи) никогда позволять себе не должен, – проявил инициативу. Граф представил императору записку о том, что разного рода сведения, в особенности секретные, играют в жизни государств все большую роль. А раз так, неплохо бы образовать особую службу, которая, с одной стороны, будет охранять наши сведения от посягательств врага, а с другой – добывать сведения, которые позарез нужны Российской империи.

– А то что же получается? – добавил Чернышев. – Взять хотя бы французов: они ни с того ни с сего разжаловали своего короля, а мы об этом узнали едва ли не последними!

Граф имел в виду, что в 1830 году французы низвергли с трона Карла X, который до смерти им надоел своими старорежимными замашками, и вместо него посадили на царство куда более гибкого и либерального Луи-Филиппа.

Николай, ознакомившись с запиской, нахмурился. Во-первых, он терпеть не мог выскочки, которые таким вот образом отнимают престолы у своей родни. Во-вторых, император все-таки считал себя гарантом спокойствия в Европе, и его до глубины души возмутила произошедшая во Франции перемена власти. Наверняка его еще больше возмутил бы другой факт –

что европейские государи плохо воспринимали то, что представлялось им посягательством на их права, и вовсе не желали, чтобы их спокойствие зависело от какой-то России, о существовании которой в Европе пару веков назад мало кто подозревал (все равно как старые бранчливые соседи, которые за долгое время соседства успели притереться друг к другу и только тешатся каждой стычкой, а тут – нате вам: является неизвестно кто и с грозным видом порывается разбирать их ссоры, хотя никто его не приглашал). Однажды непонимание данного факта обойдется русскому императору и Российской империи очень дорого: в Крымскую войну половина Европы, забыв разногласия, с удовольствием набросится на бывшего союзника, а другая половина с не меньшим удовольствием будет созерцать его поражение. Но пока шел только 1836-й год, и до Севастополя было ох как далеко!

– Особая служба? – Император поморщился. – Не нравится мне это название. И потом, на такой прожект нужны не только деньги, нужны люди. – Слово «прожект» его величество выразительно и самую малость насмешливо подчеркнул голосом.

Чернышев поклонился и выразил надежду, что люди найдутся, потому как не перевелись храбрецы в Русской земле. О том, что для выполнения некоторых щекотливых поручений понадобится нечто большее, чем просто храбрость, министр дальновидно промолчал.

– Я подумаю, – наконец сказал император. – Оставьте мне пока бумаги, я с ними ознакомлюсь.

А ознакомившись, наложил резолюцию, смысл которой сводился к следующему: 1) в строжайшем секрете образовать службу, но как бы не постоянно, а временно, впредь до окончательного решения; 2) привлечь к служению в ней военных людей; 3) для начала опробовать возможности службы на паре-тройке дел, о ходе коих доложить его императорскому величеству.

Уяснив смысл резолюции, военный министр наконец-то сообразил, что в кратчайшие сроки вместе со своим замыслом может пойти ко дну. Он проклял гения инновации, воспламенившего его воображение, а также день и час, когда черт дернул его подать государю приснопамятную записку. Но делать было нечего: надо было выкручиваться.

И Чернышев, надо отдать ему должное, выкрутился. Незадолго до того молодой офицер по имени Алексей Каверин поссорился с неким пруссаком и убил его на дуэли. Последствия могли быть для офицера самые плачевные, но тут в квартире пруссака нашли копии секретных документов Генерального штаба. Министр тотчас же взял офицера под свое покровительство и, не моргнув глазом, объявил, что тот просто-напросто... ну да, ловко провел операцию по обезвреживанию неприятельского шпиона.

– Все это очень хорошо, – проворчал император, – но что вы станете делать сейчас? Вы же не можете просто вернуть его в службу! Иначе все сразу же поймут, что тут дело нечисто, ведь в отношении дуэлянтов у нас строжайшие законы.

Чернышев нашелся мгновенно:

– А мы отправим его за границу, пусть выполнит там кое-какие поручения. Когда он вернется, о том пруссаке и думать позабудут.

Николай свел брови к переносице. Заграница внушала ему живейшие подозрения. Он уже воочию видел, как первого и покамест единственного сотрудника свежеиспеченной особой службы перетянут на свою сторону злонамеренные иностранные агенты. В самом деле, откуда известно, что Каверин надежен? Никак нельзя позволить ему действовать одному, а то мало ли что!

Свои подозрения Николай тотчас же без обиняков высказал Чернышеву, но министр успокоил императора. Мол, он и сам понимает, что Каверина нельзя упускать из виду, поэтому посоветуется со знающими людьми и приставит к офицеру надежного человечка. Пусть вообще оба стерегут друг друга, так надежнее.

И поиск надежного человечка был начат. Одновременно Чернышеву пришлось уламывать Каверина, чтобы молодой человек согласился поступить в особую службу и, кроме того, делал вид, что именно по ее заданию ухлопал того пруссака. Потому что все, что имело отношение к шпионажу, внушало приличным людям того времени неопишное отвращение.

По той же самой причине Чернышев не смог отыскать никого, кто бы взялся надзирать за офицером во время его заграничного вояжа. Нет, конечно, имелись люди, которые за деньги были готовы сделать что угодно, но министр не доверял им. И был совершенно прав.

Куда менее он был прав, когда обратился за помощью к князю Г. Когда князь услышал, что его спрашивают о надежных и хорошо знающих иностранные языки людях, которые могли бы отлучиться на время из полка, умели бы держать язык за зубами и ради Отечества были бы готовы на все, командир означенного полка сразу же сообразил, куда дует ветер, и его реакция была однозначна: он сожалеет – чрезвычайно! – но у него нет таких людей. Кто болтлив, кто пьет, кто расточителен, кто женат, и ежели согласится кататься по Парижам, то его Марья Иванна закатит ему такую взбучку, что агент не будет более пригоден ни к каким агентурным действиям.

Князю Г. казалось, что он поступил очень умно, отвадив военного министра, но теперь его постигло озарение. Мысль, пришедшая сейчас ему в голову, была даже не умной, а просто гениальной. Ведь если в только-только зарождающуюся особую службу запустить человека, совершенно для такого дела не приспособленного, то ясно же, что она развалится в мгновение ока. Стало быть, Чернышеву капут, а князьям – удовлетворение от ловко проведенной интриги.

Поэтому князь Г. встал с кресла и строго поглядел на Полину Степановну.

– Должен вам сказать, я измыслил средство спасти вашего знакомого, – объявил он. Вся его сухая парадно-войсковая душа обратилась в хрустальный сосуд, пронизанный золотой радугой радости. – Но прежде скажите мне: готовы ли вы на все, чтобы спасти его?

Полина, услышав последние слова, вспыхнула, а «благодетель» важно присовокупил:

– Не торопитесь с ответом, ибо речь идет о благе родины!

...Вечером князь Г. заехал к великому князю и рассказал ему свой коварный план.

– А нельзя ли найти какой-нибудь другой способ? – тревожно спросил великий князь. – Если я теперь отпущу этого прохвоста, твоего гусара, Глафира меня живьем съест!

– Выбирай: или гусар, или Чернышев, – твердо заявил собеседник. – Я пообещал мадемуазель Серовой, что его тотчас выпустят, как только она согласится войти в особую службу. А министр, бедняга, думает, что я ему оказываю услугу! Похвалил меня: мол, ловко я додумался, ведь женщина при мужчине будет вызывать гораздо меньше подозрений.

Великий князь заколебался, но Г. напомнил ему, что вскоре их полк все равно уезжает на маневры под Смоленск, так что, если умно промолчать, Глафира не узнает, что ее оскорбителя выпустили, а потом и вовсе думать о нем забудет.

– Ладно, – сдался наконец великий князь, – будь по-твоему. Но только потому, что я на дух не переношу Чернышева!

Поняв, что все улажено и несносная барышня больше не будет его допекать, князь Г. просиял лицом, засуетился и велел подать шампанского. (Великому князю, впрочем, он сказал, что пьет за скорейшее избавление от военного министра.)

Вот таким образом Лёвушка вскоре оказался на свободе, а мадемуазель Серова – в особой службе Российской империи. И кое-кто вскоре ох как об этом пожалел!

Глава 3

Как муж и жена превратились в жениха и невесту. – Занимательная арифметика. – Особняк, начиненный мышами. – Особое задание

Как только Алексей увидел Полину, он сразу же понял две вещи.

Первое: что барышня Серова очень мила.

Второе: что она совершенно ему не нравится.

Второе вовсе не вытекало из первого, но что поделаешь: люди по природе – чертовски нелогичные существа!

Хотя сам Алексей был по натуре не слишком скромн, он любил барышень скромных, краснеющих и застенчивых. Особ же умничающих, слишком жеманных и слишком назойливых на дух не переносил.

Однако Полина в своем медвежьем углу, похоже, отвыкла от скромности. По крайней мере, когда ей представили Алексея, мадемуазель посмотрела ему прямо в лицо открытым, ясным и спокойным взглядом. Взгляд этот словно бы говорил: гм, ну и что же вы за птица такая, милостивый государь?

Милостивый государь нахохлился и принял вид Онегина, которому докучают кредиторы из мелочной лавочки. Но тут произошло нечто ужасное: Полина не смогла удержаться от улыбки, и Алексей пришел к выводу, что она находит его смешным. А надо вам сказать, что молодой Каверин был адски самолюбив, поэтому участь барышни Серовой (агента особой службы за номером два) была решена.

Окончательно Алексей понял, что им нечего делать друг с другом, когда военный министр обмолвился, что в Париж агенты поедут под видом мужа и жены.

Барышня Серова вытаращила глаза, ахнула, прижала руку к трепещущему сердцу и возмущенно заверещала, забрасывая министра словами. В тот день теперь уже Чернышев на своей шкуре испытал, что такое противостоять Полине Степановне. Своим упрямством она могла допечь кого угодно, невзирая на чины и награды.

В конце концов министр сдался и признал, что в Париж агенты номер один и номер два могут поехать под видом жениха и невесты. О том, что в те времена жених и невеста не посмели бы совершать вместе столь предосудительное путешествие, Чернышев предпочел забыть.

Однако об этом не забыла Полина Степановна, и министру удалось ее уломать только тогда, когда он посулил дать на агентурные нужды вдвое больше того, что предполагалось. Каверин же, который терпеть не мог торговаться, понял, что его спутница – особа крайне расчетливая, и проникся к ней презрением.

В путь пустились вчетвером: офицер с денщиком Гришкой и Полина с горничной Машей. Пятым в путешествии был багаж Полины, которая вела себя так, словно собиралась обосноваться в Париже надолго. Она взяла с собой в дорогу сундуки с книгами, альбомы с чувствительными стихами подруг, портреты отца и Лёвушки, а также великое множество совершенно несообразных вещей, вплоть до домашних часов. Размер багажа поверг Каверина в отчаяние, потому что оный занимал много места и на него уходила прорва времени.

Ссориться «жених» с «невестой» начали, едва выехав за петербургскую заставу, и, начав, уже не прекращали это занятие. От Петербурга до Варшавы они поссорились шестьдесят семь раз, от Варшавы до Парижа – еще сто восемнадцать. Все ссоры мадемуазель Серова аккуратно заносила в записную книжечку, чтение коей потом принесло немало головолomных минут ее потомкам, ибо там значились, к примеру, такие строки:

«Добрались до Польши. Поляки очень галантные, хотя все говорят по-польски, но со мной как-то нечувствительно переходят на русский. С К. говорят только по-польски, если вообще говорят. Ссора с К. из-за этого».

«Пан Р. (прекрасный человек, женат, имеет восемь детей) вызвался проводить нас до Парижа, на который он давно, по его словам, собирался поглядеть. Ссора с К. А пан Р., убоившись тещи, остался дома».

«Заночевали у пана Н. По причине обрушившегося моста на два дня остались в его имении. Сегодня вечером три раза ссорились с К.: из-за шляпки, из-за непогоды и из-за французского правительства».

«Пан Н. сделал мне предложение. Сюрприз: ссоры с К. не было – по его словам, он давно мечтает от меня избавиться каким угодно образом. Я его разочаровала, объявив, что принадлежу не себе, а отечеству».

Следует отметить, что Гришка и Маша, как и подобает преданным слугам, полностью переняли стиль общения своих господ. И перебранки денщика и горничной, проходившие в более простонародном ключе, вносили в путешествие нотку приятного оживления.

В конце концов Алексей понял, что еще немного – и он или бросится в реку, или бросит туда барышню Серову, после чего утопится сам. Но тут ему снова улыбнулась удача, ибо путешествие подошло к концу. «Жених» и «невеста» прибыли к месту назначения.

...И это Париж?

Вывески, прохожие, камни мостовой. Церковь благородного готического профиля. Цветочницы. Продавцы газет. Лувр старый, какой-то седой, но вовсе не чопорный. Дворец Тюильри похож на песню из камня. Река зеленая-зеленая, и возле реки – черная статуя Генриха на черном коне. Ничего волшебного, город как город, сказал себе Алексей. Ну, и еще все прохожие говорят по-французски, но этим и в Петербурге не удивишь.

Агенты номер один и номер два обосновались в частном особняке, нарочно снятом к их приезду и полностью обставленном. Собственно говоря, такова была казенная формулировка графа Чернышева, ибо в особняке (сыром, старом и полуразвалившемся) на самом деле не было ничего, кроме мышей и нескольких дряхлых шкапов, которые протестующе скрипели, если их пытались открыть.

– Непременно доложу об этом министру, – воинственно объявила Полина, обозрев царящую вокруг разруху.

И впервые Алексей почувствовал некоторую солидарность со спутницей – назойливой, твердолобой, упрямой особой.

По приезде в Париж агенты должны были явиться для дальнейших инструкций к представителю русского посольства, некоему Сергею Петровичу Новосильцеву. Дело в том, что Полина и Алексей не имели ни малейшего понятия о том, какое именно дело им поручат, – держава в лице графа Чернышева и его людей строго блюла свои секреты.

Надо сказать о Новосильцеве, что сей молодой и чрезвычайно честолюбивый человек пользовался особым доверием русского посла, барона М., и находился в курсе всего, что творилось как во французской столице, так и в Петербурге. Cher Serge¹ был высокий, тонкий, бледный, интересный, говорил по-французски лучше любого француза и обладал неподражаемыми ухватками придворного, допущенного в круг высоких особ. Кроме того, он мазал волосы каким-то чудодейственным фиксатуаром, от которого те блестели, «как ангельские локоны» (выражение почтенной графини де Лоншан, столетней кокетки) или «как мартышкин зад» (слова графа де Лоншан, невыносимого ворчуна и свободолюбца – при Бонапарте он всячески ругал власть и требовал возвращения короля, а при короле насмехался над правительством и вздыхал, что только при Бонапарте Франция была великой державой).

¹ Дорогой Серж (франц.).

Если добавить, что с людьми, которые не могли похвастаться тем, что находятся выше его на общественной лестнице, шер Серж усвоил тон, полный снисходительности, станет ясно, отчего строптивый Алексей возненавидел его с первого взгляда. Что же касается Полины, то она с порога накинулась на Новосильцева, красочно расписала, куда именно поселили агентов особой, между прочим, службы, и потребовала, чтобы им немедленно подыскали другое жилье.

Оправившись от изумления, вызванного самим фактом – кто-то осмелился что-то у него требовать, – шер Серж привел полсотни доводов, почему переселение является невозможным, а полуразвалившийся особняк – лучшим местом в Париже. Он намекал на дороговизну жилья, сетовал на стесненность посольства в средствах и даже дал понять, что истинные патриоты своей отчизны не имеют права забивать себе голову такими пустяками, как полчища мышей и отсутствие элементарных удобств.

– Вы меня убедили, сударь, – сладким голосом промолвила в ответ Полина. – Значит, вы как истинный патриот не откажетесь поменяться с нами местами?

Тут Серж переменялся в лице и в раздражении побарабанил пальцами по столу.

– Я представлю господину барону записку, – сказал он сухо. – Обрисую ваше положение. Уверю вас, меры будут приняты.

«Когда вы уже вернетесь в Петербург», – добавил Новосильцев мысленно.

– В таком случае теперь, – вмешался Алексей, – мы бы хотели подробнее узнать о нашем, гм, задании.

Серж задумчиво поглядел в окно и при всей своей учтивости не преминул помянуть про себя недоброе слово графа Чернышева, который со своими несообразными инициативами нарушил спокойное течение сытой чиновничьей жизни. Дело в том, что, пока наши агенты тряслись в карете по российским, польским и немецким буеракам, задание, которое им должны были поручить в Париже, потеряло всякий смысл.

Впрочем, изобретательный барон М. тотчас же подыскал для них другое. И, вспомнив об этом деле, Серж не смог удержаться от улыбки, а Алексей, заметив ее, невольно насторожился.

– Итак, вы прибыли в наше распоряжение, – светским тоном промолвил Новосильцев. – Как вам Париж? Прелестный город, не правда ли? Мой кузен служит в Вене, но даже Вену, знаете ли, не сравнить с нашей прекрасной Лютецией. Вы не согласны?

Алексей плохо выспался, смертельно устал после долгой поездки в карете через всю Европу и мечтал только об одном – как бы поскорее отделаться от лощеного фата, который действовал ему на нервы. Что касается Полины, то мадемуазель могла спать хоть на голых досках, – никакие невзгоды никоим образом не повлияли ни на ее вид, ни на ее самочувствие.

– Полагаю, я смогу составить свое мнение, если мне удастся получше познакомиться с городом перед тем, как я уеду, – сказал Каверин.

Серж слегка приподнял брови. На его вкус, ответ вышел чересчур прямолинейным. «Военным, как всегда, недостает гибкости», – подумал Новосильцев.

– Париж прекрасен! – вскричала Полина тоном восторженной институтки. – Но он был бы еще лучше, если бы мы не жили в особняке с щелястыми стенами, где всюду шныряют гадкие мыши.

Серж кисло поглядел на нее, помыслив: некоторые барышни чрезвычайно дурно воспитаны – говоришь им о родине и высоком счастье самопожертвования, а они все о мышках да о стенах. Да и офицер, если говорить начистоту, недалеко ушел от барышни. Серж уже заметил, что странная пара секретных агентов чем-то невыносимо его раздражает.

– Должен вам сказать, – начал Новосильцев, – что вы явились как раз вовремя. Еще немного – и нам пришлось бы ждать другого случая, а время, знаете ли, не терпит. Кроме того, международное положение...

Молодой сотрудник посольства явно был настроен прочитать целую лекцию, и Алексей, который не выносил пустословия, подумал... (Но нет, пожалуй, не стоит озвучивать то, что он

подумал, это наверняка не понравилось бы цензуре.) И дорогому Сержу тоже вряд ли пришлось бы по душе.

– Мы ничего не смыслим в международном положении, – заявила Полина. – По правде говоря, оно нам совершенно ни к чему.

И тут мадемуазель с удовольствием убедилась, что даже такой человек, как шер Серж, может позеленеть лицом.

«Что такое?» – изумился Алексей, который во время препирательств с барышней Серовой уже имел случай убедиться, что в хитросплетениях европейской политики Полина разбирается не хуже, чем в вышивании.

– Я собиралась сегодня прогуляться по рю де ля Пэ, – продолжала Полина, глазом не моргнув, – и если вы нам коротенько объясните, что к чему... я имею в виду, что мы с Алексеем Константиновичем должны делать... я как раз успею обойти модные лавки.

Серж открыл рот. По правде говоря, он растерялся, чего с ним давно не случалось. Алексей тихо наслаждался происходящим.

– Боюсь, не все так просто, – выдал из себя Новосильцев. – Вы ведь не знакомы с обстоятельствами дела?

– Какого именно? – спросил Алексей, чувствуя подвох.

Серж выдержал паузу, которой хватило бы маркизу дю Вержье, чтобы рассказать обо всех своих любовных подвигах. (Маркиз слыл в Париже известным волокитой и не упускал случая напомнить об этом, справедливо полагая, что никто не похвалит тебя лучше, чем ты сам.)

– Мы имеем для вас очень сложное и, гм, щекотливое поручение, – сказал Серж наконец.

Тут Каверин подумал про себя нечто такое, отчего покраснела бы даже гусарская лошадь, и не одна. Он не выносил, когда люди ходили вокруг да около, не объясняя, чего же им, собственно, нужно.

– Может быть, вы все-таки объясните, что мы должны делать? – иронически осведомился он.

– Извольте, – легко согласился Серж. По его тону можно было подумать, что он давно собирался дать объяснения, но Алексей только тем и занимался, что мешал ему. – Это касается турецкого вопроса. Вы представляете себе, о чем идет речь?

– Примерно, – сухо сказал Каверин.

– Мало вам, однако. – Серж устроился в кресле поудобнее и закинул ногу на ногу. – Итак, в Турции, как вам известно, есть султан. – Серж собирался добавить: «и он, разумеется, турок», но поглядел на лицо Алексея и решил не делать этого. В конце концов, умение остановиться там, где нужно, – одно из важнейших свойств дипломата. – А в Египте сидит вице-король, и зовут его Мухаммед-Али. Египет, как вам должно быть известно, оттоманская провинция, и раньше вице-короли в ней менялись каждый год, но Мухаммед-Али положил этому конец вскоре после ухода *Буонапарте*. – В голосе Новосильцева скользнула легкая нотка презрения при упоминании данного имени. – Словом, он правит Египтом уже, дай бог памяти, более тридцати лет. А поскольку вице-король – человек честолюбивый, ему наскучило быть вторым в своем отечестве и он напал на Турцию. Четыре года назад, в 1832 году, Мухаммед-Али дошел до Стамбула, и, если бы не вмешательство европейских держав, султану пришлось бы плохо. Вскоре после того султан заключил с нами дружественный договор и запретил всем иностранным судам проходить через проливы Босфор и Дарданеллы. Казалось бы, все складывается для нас удачно, но беда в том, что Мухаммед-Али отнюдь не отказался от своих планов. И у нас есть сведения, что Франция играет ему на руку, чтобы ослабить влияние Англии и наше в этом регионе. Чего мы, разумеется, не можем допустить.

– Дальше, – спокойно сказал Алексей. Покосившись на Полину, он убедился, что та разглядывает свой веер *brisé* из прорезных пластин, и на лице у нее выражение человека, который не зевает исключительно из вежливости.

– Здесь в Париже есть один человек, – продолжал Серж, – и зовут его Эпине-Брокер. Странная личность. Немного шпион, немного авантюрист, немного сводник, немного светский завсегдатай. Впрочем, сие неважно, а важно то, что он располагает интересующими нас сведениями: у него есть копии секретных протоколов французского правительства, в которых находится запись обсуждения восточного вопроса. – Новосильцев перевел дыхание. – Однако месье не хочет отдать эти бумаги нам.

– Надо поднять цену, – заметил Алексей.

Серж досадливо передернул плечами.

– Дело не в том. Один раз он оказал нам услугу, но заломил колоссальную цену. Разумеется, мы не могли заплатить ему столько, сколько он просил. Мы дали... гм... вполне приличные деньги. Но месье счел, что мы его надули, и с тех пор не желает иметь с нами дела.

Алексей решил, что Эпине-Брокера и правда надули. Обычная российская уловка: много пообещать, но ничего не сделать.

– Однако бумаги нам совершенно необходимы, и поэтому мы решили, что раз их нельзя купить, то, значит, можно выкрасть.

Алексей подскочил на месте.

– Выкрасть?!

Так вот к какой роли его готовили в особой службе! Чтобы он, офицер, дворянин, сделался обыкновенным вором? Вся гордость Алексея, выражаясь фигурально, встала на дыбы.

– Успокойтесь, – с досадливой гримасой промолвил Новосильцев, – вам не придется ничего подобного делать. Для такого случая мы нашли особого умельца. Он брат камердинера одного из посольских, и зовут его Матвей. Больше вам о нем ничего знать не нужно.

Алексей перевел дух. Эпине-Брокер... Матвей... бумаги... При чем тут они с Полиной?

– Матвей не говорит по-французски, – снизошел до объяснения Серж. – И вообще он человек ненадежный. Мы с бароном М. подумали и решили, что доверять ему нельзя, поэтому вы присмотрите за ним.

– Я? – изумился Алексей.

– Мы? – подняла брови Полина.

Но в том состоянии, в котором находился, офицер не обратил внимания на эту крохотную поправку.

– Именно так. Матвей должен выкрасть бумаги, а вы – проследить за тем, чтобы все прошло гладко. В своем деле он мастер, так что я не думаю, что с этой стороны возникнут какие-то проблемы. – Серж поднял лежащую на столе книгу и извлек из-под нее небольшой конверт. – Главное – чтобы Матвей не натворил глупостей, когда бумаги уже будут у него в руках. Здесь мы всецело полагаемся на вас. – Серж протянул конверт Каверину. – Возьмите. Внутри приглашение на bal de tktes. Вы знаете, что это такое?

– Бал-маскарад, куда принято являться в обычной одежде, но в масках, – ответила Полина вместо Каверина.

– Именно, – кивнул Новосильцев. – Месье Эпине-Брокер обожает устраивать торжества, на которых бывает, гм, весьма смешанное общество. Каждый приглашенный имеет право приводить с собой одного-двух человек. Как удобно, не правда ли? Вы с Матвеем отправитесь туда. Тот делает свое дело, и вы уходите. Если даже вас кто-то увидит, то вряд ли под маской узнают.

– Один вопрос, – остановил его Алексей. – Где именно находятся бумаги и на что они похожи?

– Это связка протоколов, – отвечал Серж. – Как нам удалось выяснить, Эпине-Брокер хранит ее у себя дома, в небольшой шкатулке с перламутровой отделкой. На виду он ее точно не держит, так что тут уж Матвею придется постараться. – Сотрудник посольства улыбнулся. – Кстати, бал будет послезавтра вечером. Так что очень хорошо, что вы подоспели вовремя. Я уж

опасался, что все сорвется, другого такого случая не представится. Послезавтра бумаги должны быть у нас. Вы понимаете?

– Да, – сказал Алексей, оглянувшись на Полину.

Новосильцев поднялся.

– Я дам вам свою одежду – такую, что на вас, здесь уже давно не носят. Запомните: мода во Франции – это все!

– Я учту, – отозвался офицер.

Тут он слегка покривил душой. Ибо если и был на свете человек, более всего равнодушный к моде, то таким человеком был именно Алексей Каверин. В отличие от мадемуазель Полины, которая в тот же день отправилась на рю де ля Пэ и одним махом истратила четверть выделенных на агентов казенных денег.

– Восемь шляпок! – изумился Алексей, увидев ее покупки, среди которых были также косынки, веера и сиреневое платье. – Полина Степановна, зачем вам столько?

– Ах, Алексей Константинович, – вздохнула его «невеста», вертясь перед зеркалом. – Я уже говорила вам: я принадлежу отечеству, и ради него готова на все!

И она вместе с Машей принялась подшивать по фигуре купленное платье, заказанное какой-то герцогиней, которая не явилась за ним. (Заметим, кстати, герцогиня оказалась перед жестоким выбором: или платье, или дорогой подарок любовнику, который к ней охладел и которого она надеялась таким образом удержать.) Новое платье для Полины за два дня не взялась бы сшить ни одна модистка, а сиреневое платье было на ней чудо как хорошо.

Глава 4

Размышления провинциальной барышни. – Затерянные в лабиринте. – Вознагражденное упорство. – Крушение

Общеизвестно, что нет времени, более подходящего для темных замыслов, чем темные ночи. Однако, когда в семь часов вечера Алексей собирался, чтобы идти на маскарад, за окном не проглядывалось ничего, даже отдаленно похожего на сумерки. Солнце щедро поливало расплавленным золотом оба берега Сены, и молодой человек, подойдя к окну, засмотрелся на фантастической приветливости вид. По реке плыла лодка под парусом, два голубя курлыкали на противоположной крыше, из маленькой церкви выходили прихожане. В сущности, в открывшемся ему виде не было ничего удивительного, но отчего-то у Каверина сладко сжалось сердце. Он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что находится в Париже, где все говорят по-французски, и у прохожих на улице, даже у оборванных мальчишек-гаврошей, открытые, приветливые лица. Почему-то все окружающее казалось ему чуть ли не сном.

Алексей отошел от окна и поймал свое отражение в большом, потускневшем от старости по краям зеркале. Слов нет, Серж Новосильцев разodel его на славу и даже расщедрился на один из своих жилетов («такого нет даже у английского посланника», – многозначительно шепнул сотрудник посольства). Тем не менее в одежде с чужого плеча, хотя та и шла ему а *merveille*², Каверин чувствовал себя неудобно. Он терпеть не мог – занимать в долг что бы то ни было, и неважно, шла ли речь об одежде, деньгах или женщинах.

Однако в следующую минуту Алексей увидел Полину, и все суетные мысли разом вылетели у него из головы.

Полина метнула на офицера стремительный взгляд, обошла его, как столб, и приблизилась к зеркалу. Затем приставила к лицу маску на палочке и покрутилась на месте, дабы убедиться, что мадемуазель Серова хороша со всех сторон.

Алексей хотел было сказать комплимент, но тут черт (или, возможно, приревновавшая к Полине госпожа Удача) подал ему мысль пошутить.

– И зачем мы пытаемся обокрасть месье Эпине-Брокера? – спросил Алексей. – Достаточно показать ему вас, и он сам все отдаст.

По тому, как сверкнули глаза Полины, Каверин сразу же сообразил, что шутка вышла неудачной, но было уже поздно.

«Как бы не так! – помыслила про себя барышня Серова. – То, что он может отдать, мне и даром не надо!»

Вслух, впрочем, она спросила:

– А что с этим, как его... с Матвеем?

Алексей поморщился так, словно невзначай проглотил жабу.

Днем он заехал в посольство за Матвеем, оказавшимся плюгавым рябым мужичонкой с хитринкой в глазах, а дальше начались бесконечные мучения. Сначала вор ограничивался тем, что демонстрировал ловкость рук, предъявляя ему бумажник, всего минуту назад спокойно лежавший во внутреннем кармане сюртука Каверина, или часы, совсем недавно надежно прикрепленные цепочкой к жилету, причем Алексей никак не мог понять, как ему удастся их украсть. Дальше было только хуже: стоило чопорному барону М. с лорнетом заглянуть к ним и осведомиться, успели ли секретные агенты сработаться, как с руки его чудодейственным

² Наилучшим образом (*франц.*).

образом исчез перстень, подаренный барону первой юношеской любовью. Каверин был готов показать под присягой, что Матвей даже не подходил к послу, и тем не менее, когда перстень неожиданно обнаружился в кармане у Сержа, куда просто никак не мог попасть, Алексею было строго-настрого приказано не спускать с вора глаз.

– Если этот затейник провалит все дело, – сказал Новосильцев, напирая на слово «затейник», – то отвечать будете вы, сударь. Да-с.

Затем сотрудник посольства круто повернулся на каблуках и проследовал к выходу. Даже его спина выражала неподдельное негодование.

– Матвей, – попросил Алексей, – ты лучше брось свои шутки, а? Нам с тобой и так скоро попотеть придется.

– Да понял я, – откликнулся мужичонка жалобным голосочком. – Вы только не тревожьтесь, барин. Сказано: надо найти шкатулку – значит, найдем. Как она выглядит-то?

– Шкатулка как шкатулка, крышка с перламутром, а внутри – бумаги на французском языке.

– Эх, не силен я в языках-то, – вздохнул Матвей. – С перламутром, говорите?

– Именно.

– Большая или маленькая?

О размере шкатулки Каверину ничего не было известно.

– А пес ее знает, – отозвался офицер. – Шкатулка, и все тут. Находится в доме, но где хозяин ее прячет – неизвестно.

– Ничего, отыскать ее – дело нехитрое, – фыркнул Матвей. – Все люди, ежели у них что ценное есть, норовят его в одних и тех же местах прятать. Не то мы, у кого ничего своего ценного нет, давно с голоду околели бы.

«И во что я ввязываюсь?» – вздыхал про себя Алексей, когда карета без гербов везла его с «помощником» к особняку-развалине, откуда вся троица должна была ехать на бал.

– Матвей на кухне, – сообщил он сейчас Полине. – Я приставил к нему Григория, чтобы тот чего-нибудь не стащил.

Мадемуазель кивнула и снова повернулась к зеркалу.

«Какой вздор! – смутно думала она, разглаживая складку на платье. – Какой-то мошенник, я и этот офицер... Бумаги, Египет... Александр завоевал Египет, который был провинцией персидской империи. Как интересно, должно быть, было жить в те времена! Не то что сейчас – чины, ленты... Фи, какая скука!»

– Наверное, уже пора ехать, – сказал Каверин, поглядев на часы, которые Маша по приказу хозяйки водрузила на камин в комнате. (Вообще следует отметить, что все бесполезные, с точки зрения, вещи, которые спутница тащила с собой, в доме, где почти ничего не было, оказались как нельзя кстати).

Полина убрала маску в сумочку-мешочек, висевшую у нее на локте, и двинулась к выходу, а Алексей направился на кухню, где облаченный во фрак Матвей с засаленной колодой в руках учил денщика шулерским фокусам.

– Что еще за дела, Матвей? – заворчал Каверин.

– А я что? Я ничего, – ответил вор, широко распахивая глаза и ухмыляясь.

У Алексея так и чесались руки дать ему подзатыльник, но молодой человек пересилил себя и, послав Гришке испепеляющий взгляд, потащил Матвея к двери.

– А костюмчик господи мне дали знатный, – говорил вор, пока неумолимый офицер конвоировал его к карете. – Ей-ей, ваше благородие, в такой одежде и на казнь не жалко!

Алексей затолкал Матвея в карету, подал руку Полине и наконец сел сам.

– Если у вас в сумочке есть ценные вещи, – сказал он по-французски своей спутнице, – будьте осторожны с вашим соседом!

Однако, когда посольский кучер привез их к особняку Эпине-Брокера, выяснилось, что осторожность надо было соблюдать как раз самому Алексею – приглашение, которое вручил ему Серж, куда-то таинственным образом испарилось.

– Матвей! – воскликнул офицер, скрипнув зубами.

Вор развел руками. Рассвирепев, Каверин схватил его за ухо.

– У вас в кармане, в кармане оно, клянусь!

Алексей отпустил его и действительно обнаружил конверт в левом кармане, хотя отчетливо помнил, что клал его в правый.

– А все Матвей да Матвей... – бурчал сообщник, притворяясь обиженным.

Они вышли из кареты. Особняк Эпине-Брокера был окружен красивым садом, ярко освещенным, несмотря на то что было еще светло. Тут и там меж кустов и деревьев мелькали смеющиеся, флиртующие, загадочные маски.

– Ну, с богом! – выдохнул Каверин, опуская на лицо черную полумаску, отделанную белым кантом.

Матвей нехотя натянул гротескную маску с огромным носом. Полина приставила к лицу пеструю, отделанную перышками маску, сквозь прорези которой загадочно блестели ее глаза.

– Свету-то, свету! Вот уж точно не пожалели! – Матвей, похоже, принадлежал к тем людям, которые не могут помолчать и минуты. – Хорошо живут!

– Тихо, Матвей! Ни слова по-русски, понял?

Осторожность Каверина станет вполне понятна, если учесть, что хозяин дома был «немного шпионом, немного авантюристом». Кто знает, что за люди могли оказаться у него в гостях!

Алексей отдал приглашение, троица пересекла сад и поднялась по лестнице. Тут выяснилось, что дом огромен и сориентироваться в лабиринте комнат, прямо скажем, не так-то просто.

«И что стоило проныре Сержу раздобыть план здания загодя?» – подумал разъяренный Алексей.

«И что стоило месье Каверину расспросить месье Новосильцева о плане дома? – подумала недовольная Полина. Но тут же упрекнула и себя (мадемуазель была весьма справедливой особой): – Да и я сама вполне могла бы это сделать!»

Сообщники, переглядываясь, топтались на месте.

– Ну, теперь куда? – спросил Алексей по-русски, совершенно забыв, что минуту назад сам просил не говорить на этом языке.

В большом зале танцевали под музыку оркестра, состоявшего из сорока, никак не меньше, человек.

– В спальню, – подсказала Полина.

– Что? – изумился Алексей.

Однако Матвей неожиданно поддержал барышню Серову.

– Самые важные бумаги обычно стараются хранить под рукой. Случись пожар или что непредвиденное, так сразу – хватать добро и в окошко. Так что сначала посмотреть в спальне.

Алексей насупился. Хорош же он, агент особой службы, – не мог сам додуматься до такой простой вещи! И по старой привычке не удержался от колкости:

– Я вижу, вы успели плотно пообщаться с нашим другом.

– Нет, – сухо ответила Полина, – я читала об этом в мемуарах одного главы полиции, покинувшего свой пост.

– Значит, будем искать спальню, – вздохнул Каверин.

Но тут две девушки с разных сторон подошли к молодому человеку с явным намерением пригласить его на танец, и офицер совершенно растерялся. Чтобы его приглашала женщина? Да еще та, которой он не представлен? Полное попрание всех правил приличия!

Тотчас же на выручку поверженному агенту подоспела Полина.

– Месье занят, – сухо сказала она и стиснула локоть спутника так, что Алексей даже малость переменился в лице. – Идем!

И трое сообщников нырнули в лабиринт, в недрах которого скрывалась заветная шкапулка с перламутровой отделкой.

Порядочно поблуждав по разным комнатам и спугнув несколько обнимающихся парочек, наши друзья оказались возле комнаты, расположенной в дальнем крыле дома. Здесь Полина остановилась, раздумывая.

– Что? – спросил Алексей, оглядываясь на нее.

– Когда мы подъехали к особняку, – пояснила мадемуазель-агент под номером два, – я обратила внимание, что в одной из комнат занавески задернуты. Судя по всему, мы как раз возле нее.

Матвей потянулся к ручке двери, но, прежде чем успел коснуться ее, та неожиданно повернулась. Кто-то открывал дверь с другой стороны! Толкаясь и натываясь друг на друга, сообщники удрали в комнату напротив и затаились. В коридоре меж тем показались двое: один – в красной маске дьявола, другой – седой, широкоплечий, с величественной осанкой. Свою маску он держал в руке.

– Помилуйте, месье Эпине-Брокер, вы выставляете чудовищные условия, – говорил «дьявол». – Наше предложение вполне разумно, но больше заплатить мы не сможем.

– Сможете, мой дорогой, – отвечал Эпине-Брокер, мягко улыбаясь. – Этот секрет не из дешевых, я знаю, что продаю.

– Мне надо посоветоваться, – сказал «дьявол» после недолгого молчания.

Эпине-Брокер похлопал его маской по руке.

– Так-то лучше, мой дорогой. Можете посоветоваться... однако не слишком долго. Есть ведь и другие интересующиеся, знаете ли.

Мужчины завернули за угол и скрылись из виду.

Полина, Каверин и Матвей выбрались из укрытия и вернулись к заветной двери. Толкнув ее, Алексей обнаружил, что замок заперт.

– Не извольте тревожиться, – ухмыльнулся Матвей. Затем извлек из кармана нечто, до странности напоминающее дамскую шпильку, и приступил к работе.

Через полминуты дверь была отворена.

– Пошли, – шагнул вперед Алексей.

Матвей поглядел на него и улыбнулся:

– А на стреме кто стоять будет?

– На стреме? – озадаченно переспросил Каверин.

– Ну да, следить, чтобы меня не сцапали.

Алексей вскипел. Его гордость офицера отказывалась мириться с тем, что он оказался в подручных у вора. Привезти, проследить, чтобы выполнил тот свое дело – одно дело. Но это...

– Кто-то должен караулить, – повторил воришка, подметив терзания молодого офицера.

– Я буду караулить, – вызвалась Полина.

– Вы?!

Как бы Каверин ни относился к невыносимой спутнице, но он не мог позволить женщине выполнять грязную работу.

– Нет, – объявил Алексей, – это исключено!

– Хорошо, – легко согласилась Полина. – Тогда я иду с Матвеем.

Офицер позеленел. Надо сказать, что помимо уже перечисленных видов женщин, которые его отталкивали, ему совершенно претил присущий некоторым особам авантюрный дух.

– Чтобы он не вздумал обмануть нас, – пояснила Полина по-французски.

Клопоча от раздражения, Алексей был вынужден согласиться.

– Если кто-то появится, – напутствовал его Матвей, – свистните, барин.

И пока агент номер один стоял на стреме, агент номер два вместе с безномерным Матвеем деловито принялась обыскивать спальню.

Оставшись в коридоре один, Алексей обнаружил, что время тянется ужасающе медленно. Молодой человек буквально не находил себе места, корни волос у него вспотели, чего не было даже перед той дуэлью, которая привела его в особую службу. То он обливался холодным потом, то его кидало в жар. Один раз по коридору прошел лакей, но, на счастье Каверина, не достиг спальни и степенно спустился по роскошной раззолоченной лестнице.

«Эх, государева служба... И чего они там копаются?»

Надо сказать, Алексея бы совершенно устроило, если бы документы лежали в открытом доступе на самом видном месте. Но, очевидно, Эпине-Брокар вовсе не разделял его мнения, потому что время шло, а двое сообщников не возвращались.

Потеряв всякое терпение, Каверин отворил дверь и вошел.

Он оказался в небольшом кабинете, смежном со спальней, где застал удивительную картину: Полина, стоя на коленях и отвернув угол ковра, пыталась отодрать от пола паркетную шашку. Матвей, рывшийся в секретере, взирал на ее потуги с благодушием пожарного, который видит обывателя, явившегося тушить огонь со стаканом воды. За несколько секунд до появления Каверина Матвей как раз извлек из секретера приятно звякнувший мешочек с золотыми луидорами и, дабы тот не чувствовал себя одиноким, пребывая взаперти в столе, спрятал его в карман.

– Где шкатулка? – спросил Алексей.

– Видимо, под полом! – сердито ответила Полина. – Там тайник. Слышите, как простукивается пустота? Но я никак не могу его открыть!

Каверин пришел к ней на помощь, и вдвоем они отодрали от пола ни в чем не повинную шашку.

– Здесь ничего нет, – объявил офицер с разочарованием.

– Я же говорил вам, сударыня, – укоризненно молвил Матвей, пряча в карман второй мешочек с луидорами. Настроение воришки с каждым мгновением становилось все лучше. – Под полом просто щель, и более ничего.

Однако Полина, как уже упоминалось неоднократно, была на редкость упряма. Она наклонилась и стала шарить рукой вниз.

– Ой! – вдруг вскрикнула мадемуазель. – Там какой-то сверток!

А Матвей в тот момент повернулся к двери и насторожился. Тем временем раскрасневшаяся Полина извлекла на свет божий прямоугольную коробку, замотанную в толстую материю и обвязанную бечевкой.

– Кто-то идет, – буркнул вор, поспешно закрывая секретер. – Говорил же я вам, надо было на стреме стоять!

– Мы уже нашли то, что нам надо, так что уходим как можно скорее, – сказал Алексей, поспешно возвращая на место шашку и поправляя ковер. По правде говоря, молодой человек испытывал огромное облегчение от того, что все кончено и им не надо больше ничего красть.

Как три пули, они вылетели из кабинета и настолько быстро, насколько позволяли приличия, бросились к лестнице. Но лабиринт снова порядком помучил нашу троицу, прежде чем агенты оказались в большом зале, где одна из давешних девушек, завидев Каверина, надула губки и со значением обняла танцующего с ней молодого хлыща. Однако Алексею было не до нее.

Наконец трое авантюристов вышли из дома, и Каверин, оказавшись на свежем воздухе, вздохнул с облегчением.

– Ну вот и ладно, – сказал он, оглядываясь по сторонам и убеждаясь, что никто их не видит. – Мадемуазель Серова, дайте мне шкатулку.

– Это я ее нашла! – сердито возразила Полина.

– Вам угодно и тут пререкаться со мной? – обманчиво кротким тоном осведомился Алексей.

Сердясь на себя, на него, на весь свет («наверняка всю честь находки он припишет себе! ненавижу!»), Полина вытащила сверток из атласной сумочки, которая, по правде говоря, по размерам своим вовсе не была предназначена для такого рода вещей, и отдала его офицеру.

Не без труда Алексей развязал бечевку, развернул материю – и оторопел.

Глава 5

Шкатулка из фиалкового дерева. – Сюрприз за сюрпризом. – Благородный маневр, именуемый бегством. – Вызов

Это была вовсе не шкатулка, отделанная перламутром, а совершенно другая – розоватого дерева, именуемого фиалковым, изящная вещица с резной крышечкой, вовсе не предназначенная для того, чтобы ее прятали под полом.

Завидев, что именно вытаскила из тайника мадемуазель, Матвей сложил губы трубочкой, словно хотел сказать «фью-ю», но удержался.

– Мы нашли не ту шкатулку, – мрачно промолвил Алексей.

– А может, все же ту? – с надеждой предположила Полина.

– В каком смысле, сударыня?

– В таком, что бесполезные вещи не прячут в тайниках под паркетом, – сердито бросила Полина, отбрасывая со лба назойливый светлый локон. – Может быть, он переложил бумаги из той шкатулки в эту?

– А что, в самом деле! – поддержал ее проныра Матвей.

Алексей оглянулся и, убедившись, что их никто не видит – большое дерево надежно скрывало троицу от посторонних взоров, – открыл шкатулку. Одного взгляда хватило, чтобы понять: секретными протоколами французского правительства тут и не пахнет. В шкатулке не было ничего, кроме связки пожелтевших писем. В глаза Каверину бросились строка: «Дорогая Эжени...» и дата «14 мессидора».

Здесь требуется небольшое пояснение. Когда во Франции к власти пришли республиканцы, то они сочли, что старый календарь устраивает их еще меньше, чем старый режим. Отрубив головы королю и королеве, революционеры энергично принялись реформировать само Время. Во-первых, приказали вести счет от 22 сентября 1792 года, даты, признанной первым днем и первым годом новой эры. Во-вторых, разделили год заново на 12 месяцев по 30 дней плюс пять или шесть дополнительных, посвященных прославлению великой и могучей Республики. Месяцы получили новые названия – брюмер, жерминаль, флореаль и так далее; мессидор был одним из летних месяцев. Так как дни недели, ясное дело, устарели ничуть не меньше, чем названия месяцев, семидневная неделя была заодно заменена десятидневной. Увы, время одолеть куда труднее, чем одного человека, пусть даже человек этот – король, и новый календарь продержался лишь до конца 1805 года.

Словом, все указывало на то, что в шкатулке находится какая-то никчемная рухлядь по меньшей мере тридцатилетней давности, и она никак, ни при каких обстоятельствах не поможет России решить турецкий вопрос. Для очистки совести Алексей проглядел всю пачку, но там были лишь письма к какой-то Эжени да мятый конверт, в котором вообще ничего не оказалось.

– Н-да... – уронил расстроенный офицер, запихивая бумаги обратно в шкатулку и закрывая ее.

– Это не протоколы? – спросила Полина несчастным голосом.

– Нет, – коротко ответил Каверин.

И к чести его следует сказать, что он тотчас же закрыл тему, не позволив себе насмешек над неловкостью спутницы или ее привычкой заглядывать под пол в домах чужих людей.

– Матвей...

– А что Матвей?

– Где наша шкатулка?

– Я все обшарил – стол, стены, шкафы, – пожал плечами воришка. – Там нет вашей шкатулки. А в секретере – только незначительные бумаги.

– Камин... – внезапно промолвила Полина. Щеки ее покраснелись, глаза горели. Видно было, что мадемуазель тяжело переживала свое поражение.

Матвей ахнул.

– А ведь точно, камин! Некоторые там устраивают тайники и держат важные бумаги. Только нечасто это бывает, потому как рядом все-таки огонь, одна искра и...

– К верхней части камина приделаны две статуи, – напомнила Полина. – Я вообще-то сразу подумала, что они великоваты и как-то не подходят к обстановке... Что, если в одной из статуй и находится тайник?

Сообщники переглянулись.

– Значит, так, – подвел черту под прениями Алексей. – Мы возвращаемся в кабинет, и я кладу лишнюю шкатулку на место. Потом мы ищем нужную нам, и я очень надеюсь, что ты, Матвей, на этот раз ее найдешь. – Он повернулся к барышне в сиреновом. – А вы, сударыня, оставайтесь здесь.

– Я иду с вами! – возмутилась Полина. – Вы не имеете права!

– Сударыня, – терпеливо заговорил Алексей, – в первый раз нам повезло, что нас не заметили, но во второй – все может повернуться иначе. Кто сообщит господину Новосильцеву, если у нас вдруг возникнут осложнения?

– Что-то мне подсказывает, что господин Новосильцев узнает обо всем и без вестников, – парировала Полина, с треском складывая веер. – Даже не уговаривайте! Я иду с вами!

Раздраженный Каверин был вынужден отступить. Как, впрочем, и все, кто пытался противостоять мадемуазель Серовой.

Снова они поднялись по лестнице и оказались в бальной зале, где толкалось великое множество народу. Алексей пробирался сквозь толпу, отказываясь от шампанского и пирожных, которые разносили слуги, но тут его подхватил и закружил большой хоровод, и Каверину потребовалось время, чтобы выскользнуть из него. Матвей тем временем куда-то исчез. Обегав в поисках сообщника дюжину комнат, Алексей заметил вора в укромном уголке под большой пальмой – тот пригоршнями хватал с подноса изумленного слуги драже и совал в рот, запивая шампанским. Еще хуже было то, что к локтю Матвея намертво приклеилась какая-то крашенная особа, и воришка, давясь вином и конфетами, объяснял ей по-русски, какой он, Матвей, важный человек, ибо сам царь-батюшка не может без него обойтись, вот и послал его найти шкатулку, без которой всем каюк. Особа хихикала и говорила «oh, oui»³ на каждое замечание своего кавалера. Проклина в душе Сержа Новосильцева, Турцию, Эпине-Брокара, французское правительство, дипломатов и свою несчастливую звезду, Алексей с грозным видом приблизился к Матвею.

– А, конвоир! – захихикал тот.

Судя по всему, мужичонка уже успел нагрузиться. Каверин схватил его за воротник и потащил из залы. Крашенная особа запищала им вслед нечто неразборчивое и, кажется, весьма нелестное для Алексея.

В дверях сообщников нагнала Полина. По правде говоря, Каверин надеялся, что хоровод задержит ее, но не тут-то было.

– Вы никого не забыли? – ледяным тоном осведомилась мадемуазель и подхватила шатающегося Матвея под другую руку.

– Я ничего, сударыня... – захныкал вор. – Я только... это... Ик! Какие у них смешные конфеты, на камушки похожи!

³ О да (франц.).

Поднявшись по лестнице и пройдя через огромный коридор, Алексей понял, что они снова заблудились. Особые агенты заматались в лабиринте переходов, таща за собой Матвея, который малость протрезвел и, тихо икая, ругал шампанское на чем свет стоит. Все же, порядочно покружив по дому, троица вышла к спальне хозяина. Дверь была немного приоткрыта.

– Странно, – промолвил Матвей, в недоумении пожимая плечами.

– Что странно? – мгновенно насторожился офицер.

– Я же вроде плотно прикрыл створку, когда мы уходили.

Алексей отодвинул Матвея в сторону и, вынув из-за отворота сюртука небольшой пистолет, вошел первым. То, что он увидел, лишь подтвердило худшие его предчувствия.

На полу кабинета, на роскошном ковре, изображавшем охоту Людовика XIV, лежал хозяин дома, бессильно отведя в сторону одну руку. Глаза его были широко раскрыты, а на белоснежной рубашке виднелись четыре кровавых пятна.

– Батюшки-светы, мокрое дело! – ахнул за спиной офицера Матвей.

– Он... он убит? – с недоумением прошептала Полина. – Но как? Когда?

Всего мгновение понадобилось Каверину, чтобы принять единственно правильное решение.

– Уходим! – бросил он спутникам. – Полина Степановна, не отставайте, умоляю вас!

Его реакцию можно понять. Ибо французская полиция, надо сказать, – лучшая в мире. Это вам не петербургские господа, пробавляющиеся анонимками. С убийцами во Франции шутить не любят, и закон тут безжалостный: убил – голову с плеч долой!

Все трое мигом слетели по лестнице вниз и выбежали в сад, причем Полина в своем платье на громоздком кринолине не отставала от офицера. Вспомнив об уличающей их шкатулке с никчемными бумагами, Алексей размахнулся и забросил ее далеко в кусты.

– Возвращаемся к карете, – проговорил он, срывая маску. – Надо ехать в посольство. Похоже, мы попали в переплет.

Матвей кивнул и побежал по дорожке. Полина задержалась, с тревогой взглядевшись в лицо молодого человека. По правде говоря, она чувствовала себя не лучшим образом, и сердце до сих пор бешено колотилось у нее в груди.

– Что же произошло? – спросила она наконец.

– Вы спрашиваете у меня, сударыня? – Алексей пожал плечами. – Поверьте, я знаю не больше вашего.

– Мы же видели его незадолго до того, как... – Мадемуазель содрогнулась. – Неужели это из-за протоколов, которые мы так и не нашли?

– Может быть, – рассеянно ответил молодой человек.

Алексей подал сообщнице руку, и они двинулись к карете. Однако на повороте аллеи перед ними возникли три человека. Один из них, смеясь, пускал мыльные пузыри, а остальные обменивались шутками. Троица была в блестящих темных полумасках.

Проходя мимо, Алексей слегка задел локтем одного из шутников. Тот живо обернулся и смерил Каверина надменным взглядом.

– Сударь, вы невежа! – высокомерно заявил он. – Кто дал вам право толкать людей?

– Я не толкал вас, – сухо ответил Алексей, которому было неприятно, что все это происходило на глазах у Полины.

– О! Так вы отрицаете очевидное? Вы нарочно меня толкнули, сударь! У меня есть свидетели!

Каверин и в спокойном-то состоянии не отличался терпеливостью, а тут он просто взорвался.

– Да кто вы такой, сударь, чтобы я вас толкал? – язвительно осведомился офицер. – Не стоит и трудиться!

Шутник опешил.

– Алексей Константинович, – тревожно шепнула Полина, – не стоит, мы уже уходим!
– Э, да месье нарывается на ссору! – заметил спутник того, которого Алексей будто бы нарочно задел.

– И немалую, – добавил худощавый юноша с длинными золотистыми волосами, пускавший мыльные пузыри.

– Сударь, – заявил незнакомец, – я не из тех людей, что сносят оскорбления. Вот моя карточка.

– Не смейте принимать ее! – прошипела Полина. – Вы не имеете права! Вспомните, кто вы, Алексей Константинович!

Однако Каверин принял карточку, не глядя. Такой уж это был неудачный день.

– К вашим услугам, сударь, – проговорил он, холодно поклонившись. – Когда и где?

– Сегодня же, – заявил незнакомец в маске, – на закате в Булонском лесу. Завтра у меня достаточно своих дел.

– Сегодня – так сегодня, – согласился Алексей. – На шпагах или на пистолетах?

– Я предпочитаю благородное оружие.

– Иными словами, вы предпочитаете быть заколотым, чем застреленным? Хорошо. Вы будете довольны.

– Хвастун! – пробормотал юноша, пускавший пузыри.

– И не забудьте привести с собой секунданта, – сказал противник Каверина.

– Обязательно, – кивнул Алексей. – Надеюсь, вы не забудете прийти.

– Не забуду, можете не беспокоиться.

– И приведите доктора, он может вам понадобиться.

– А вам медики уже не потребуются. С вас хватит одного священника.

Алексей сделал вид, что не заметил прозвучавшей в этих словах угрозы.

– Кто доставит оружие – вы или я?

– Можете не трудиться, – насмешливо заметил юноша с мыльными пузырями, – у нас есть две одинаковые шпаги – как раз для подобных случаев.

– Тогда до скорого! – бросил Алексей и повернулся, собираясь уйти.

– Вы не дали мне свою карточку, – заметил дуэлянт.

Каверин вздернул плечи.

– Меня зовут Алексей Каверин, я офицер, и меня хорошо знают в русском посольстве. Думаю, такой рекомендации вполне достаточно:

– Что за фамилии у этих русских, язык сломаешь! – посетовал юноша с мыльными пузырями.

– Вряд ли она ему еще понадобится, – подхватил спутник задиры, – разве что для надписи на могильном камне.

– Пф, сударь! – насмешливо отозвался Алексей. – Как говорят у вас во Франции, *rien qui tira le dernier*⁴.

И, сухо наклонив голову, Каверин увлек Полину за собой, говоря на ходу:

– Вы возвращаетесь домой...

– Что вы себе позволяете!

– А я пойду искать себе секунданта.

Алексей поморщился. Отчего-то ему до страсти не хотелось посвящать Сержа Новосильцева в это дело. Тогда кто, кто сможет ему помочь?

– Я вас не оставлю! – вскинулась Полина. – Боже мой, вы даже не знаете своего будущего противника!

– И не хочу знать, заметьте.

⁴ Хорошо смеется тот, кто смеется последним (*франц.*).

– Нет, ну просто варварство какое-то! Дуэли – пережиток Средних веков!

– Я так не считаю. Задолго до Средних веков люди выходили в поединках один на один и не видели в том ничего особенного.

– Вы не имеете права рисковать собой! Боже мой, он же нарочно задел вас, я уверена!

– Это ничего не меняет, сударыня, – ответил Алексей, которому теперь море было по колено. – Поверьте, вам лучше уехать и ждать моего возвращения. И не пытайтесь меня отговорить, прошу вас. Я уже все решил.

И тем не менее Полина продолжала атаку в надежде убедить спутника не поступать столь опрометчиво. Но на сей раз ее упорство натолкнулось на невиданное прежде препятствие. Алексей замкнулся в себе и ничего не отвечал.

– Вы невозможный упрямец! – наконец воскликнула мадемуазель Серова. На глазах ее выступили слезы.

– О, тут мне далеко до вас, – усмехнулся спутник и, оглядевшись, удивился: – Но где же наша карета?

Экипажа, в котором они приехали, на месте не оказалось. Более того, Матвей тоже исчез.

Глава 6

Король, королева и визирь. – Имя на визитной карточке. – Дуэлянты. – Издержки второй молодости и громкое разоблачение

– Так... – произнесла Полина, сразу же обретая спокойствие духа. – Предлагаю немедленно взять фиакр и ехать в посольство. Там вы объясните все, что случилось, и господин Новосильцев вместе с бароном наверняка подскажут, как нам выпутаться из сложившейся ситуации.

– Вы вольны ехать куда угодно, Полина Степановна, – возразил Алексей, не обратив никакого внимания на многозначительное «нам», – а лично я еду в Булонский лес.

– Алексей Константинович, но это же просто глупо! – вскинулась его собеседница. – Вы разве не видите, что происходит? Ведь все одно к одному: мы не выполнили задания, Эпине-Брокер убит, по совершенно пустячной причине вас вызвали на дуэль, а теперь еще и Матвей, и карета исчезли. Кто-то явно решил сделать нас частью своей игры, что мне очень не нравится!

– Мне тоже, поверьте, – усмехнулся Каверин. – Но если тот самый «кто-то» думает, что имеет дело с пешкой, он ошибается.

– О да, вы куда больше похожи на короля, от которого в шахматах никакого проку, – съязвила Полина.

– А вы, конечно, считаете себя королевой, – поддел «невесту» Алексей.

– Между прочим, ферзь – никакая не королева, – сухо заметила Полина. – Ферзь – визирь, первый министр.

– Я вижу, вы разбираетесь в шахматах.

– Да, я часто играла в них с папенькой, когда он был жив, – с гордостью сказала Полина. – Куда вы меня ведете?

В самом деле, Алексей, взяв ее под руку, повел прочь от особняка, где проходил бал.

– Поскольку в доме произошло преступление, – пояснил офицер вполголоса, – нам лучше убраться отсюда, и как можно скорее. На набережной я посажу вас в фиакр.

– Я уже сказала: я вас не оставлю!

– Полина Степановна, женщина не может присутствовать на дуэли, это исключено.

Полина вздохнула и спросила:

– Вы хотя бы знаете, с кем деретесь?

Вспомнив, что и в самом деле не удосужился прочесть имя своего противника, Алексей залез в карман и вытащил визитную карточку.

– Граф Максим-Шарль-Луи-Антонен де Шевран, – прочел он вслух. – Судя по имени, прохвост, каких поискать.

– Почему вы так решили? – полюбопытствовала Полина.

Алексей мог бы честно ответить: потому, что граф ему сразу же не понравился. Но ограничился тем, что по-королевски пожал плечами. Мол, понимай, как хочешь: то ли вмешалась всеведущая интуиция, то ли ему известно о графе что-то такое, чего он не может сказать Полине.

– Вы не хотите отдать какие-нибудь распоряжения? – спросила барышня Серова через несколько шагов.

– Что за распоряжения? – рассеянно спросил Алексей.

– На случай, если ваша встреча закончится плохо для вас, – пояснила его спутница.

– Вы очень добры, – заметил Алексей, улыбаясь краем рта, – но никаких особых распоряжений я оставлять не собираюсь.

– Однако у вас же наверняка есть родственники, друзья, знакомые...

– Будь у меня друзья, я бы не оказался здесь, – отрезал Каверин, и Полина надулась.

На бульваре Сен-Жермен Каверин остановил фиакр, заплатил кучеру и попросил доставить мадемуазель, куда она попросит. Теперь, когда тень особняка с окровавленным трупом в одной из комнат больше не маячила за ними, молодой человек почувствовал себя значительно лучше. Он отлично понимал, что события вышли из-под контроля, и теперь можно сделать только одно – следовать им. Тем более что у него была назначена встреча, пропустить которую не может ни один уважающий себя человек.

Попрощавшись с Полиной, Алексей быстрым шагом двинулся к набережной Тюильри. В голову ему пришла дерзкая мысль – взять в качестве секунданта любого подходящего прохожего.

Увы, все прохожие, как назло, шествовали либо с дамами, либо с подружками, а те, кто шагал сам по себе, были либо слишком молоды, либо по иным причинам не подходили на роль секунданта. Алексей весьма щепетильно относился к вопросам чести и не мог брать в секунданты рабочего или юнца, у которого молоко на губах не обсохло.

Читателю известно, каким образом он наконец сделал свой выбор. Господин с бакенбардами подвернулся весьма кстати, и сейчас фиакр, запряженный на редкость резвой лошадкой, мчал их обоих в Булонский лес.

– Только бы он не опоздал, – заметил Алексей, поглядывая за окно.

– Не беспокойтесь, – важно заверил его господин. – Он не опоздает.

И действительно, в первой же аллее их нагнала карета с веселой троицей.

– Эй! – весело закричал задира-граф, высунувшись в окно. – А я уж думал, вы струсите и не придете!

Он снял маску, и Каверин смог как следует разглядеть лицо будущего противника. Максиму де Шеврану, судя по всему, было около тридцати. У него были каштановые волосы и небольшие усики, оттенявшие красиво очерченный рот. Когда граф улыбался, светлые его глаза оставались холодными, как лед, и выражение их Алексею сильно не понравилось. Такие скучающие, ничего не выражающие глаза бывают у людей, которые ни во что не ставят человеческую жизнь, у уверенных в себе головорезов, для которых отправить ближнего на тот свет – пара пустяков. Бог весть отчего, но женщины, как правило, без ума от подобных опасных, расчетливых убийц, а Максим де Шевран был к тому же еще и весьма недурен собой. Он прокричал еще что-то задиристое и насмешливое в адрес Каверина, и спутники графа засмеялись.

– Не отвечайте, – шепнул старик офицеру. – Это его манера раззадорить противника перед схваткой, чтобы тот утратил контроль над собой.

Кареты остановились возле небольшой поляны, словно самой судьбой предназначенной для того, чтобы молодые люди, слишком близко к сердцу воспринимающие законы чести, резали на ней друг другу глотки. Она была тениста, тиха и достаточно удалена от возможных нескромных глаз.

– Это мой секундант, Луи Робер, – заявил Максим де Шевран, кладя руку на плечо юноше, который уже не пускал мыльные пузыри, а стоял, ухмыляясь во весь рот. – А рядом с вами, я полагаю, ваш? Месье...

– Франсуа Перрен, – представился господин в бакенбардах. Склонив голову и глядя себе под ноги, он вышел из кареты.

– Рад познакомиться с вами, сударь. За доктора у нас – Ксавье Марке, мой товарищ. Надеюсь, вы не будете против?

Доктором, как оказалось, был тот, кто посулил Алексею, что его фамилия потребуется ему лишь для эпитафии на надгробном камне. У Ксавье Марке было молодое открытое лицо, располагающее к себе. В уголках его губ затаились смешинки, и вообще доктор производил

впечатление человека, который не прочь пошутить и повеселиться. Вот и сейчас он сорвал с головы цилиндр и отвесил преувеличенно низкий поклон Каверину и его секунданту.

– Шпаги, господа, – сказал секундант Максима, поднося длинный футляр, обитый изнутри бархатом, на котором покоились два смертоносных клинка.

Граф выбрал шпагу, Алексей взял вторую. Пробуя лезвие, Максим де Шевран несколько раз со свистом рассек клинком воздух, а затем сделал неожиданный выпад, словно метил в невидимого противника. На губах у него играла нехорошая улыбка. Алексей же ограничился тем, что повертел кистью так и эдак, прилаживаясь к рукояти и тяжести оружия.

– Луна светит, – как бы зачарованно произнес Ксавье Марке, глядя на бледный диск, поднявшийся над деревьями.

Франсуа Перрен сурово кашлянул.

– Драться до первой крови или всерьез? – раздумчиво и словно про себя спросил граф, глядя на Алексея.

– Я не дерусь до первой крови, – был спокойный ответ.

– Ах, тогда до последней? Прекрасно!

– Ответ, достойный героя, – продекламировал доктор.

Максим де Шевран с помощью секунданта снял сюртук. Алексей сделал то же самое без посторонней помощи. Противники сбросили и жилеты, чтобы те не мешали движению. Наконец разошлись.

– У меня сердце разрывается при мысли, что я должен буду вас убить, – заявил Максим, выходя на позицию.

– А у меня – нет.

– Помните: он очень хорошо владеет левой, – вполголоса сказал Перрен Каверину. – Многие уже поплатились за то, что неосмотрительно забыли об этом.

Алексей только улыбнулся.

– En garde!⁵ – звучно провозгласил юноша по имени Луи Робер.

Противники отсалютовали друг другу.

По траве прошелестел вечерний ветер. Клинки шпаг скрестились с негромким стуком... а в следующее мгновение Максим де Шевран, как-то неловко взмахнув рукой, боком повалился на траву.

– Что случилось? – ошеломленно спросил доктор.

– Ничего особенного, – хладнокровно отозвался Алексей, отходя назад. – Дуэль окончена.

Первым опомнился Перрен.

– Ну и дела! – вскричал он, всплеснув руками. – С первого же выпада, черт возьми!

Секундант Максима бросился к своему другу, распростертому на траве. Лучший фехтовальщик Парижа не двигался.

– Вы... Вы убили его! – дрожащим голосом вскричал юноша, заламывая руки.

К поверженному противнику кинулся доктор, уронив от волнения цилиндр. Перрен меж тем тряс руку Каверину.

– Не думал я, что мне доведется увидеть такой удар! Черт возьми, как славно вы приколотили ему бутоньерку!

– Простите? – удивился Алексей.

– То есть продырявили его, я хотел сказать, – поправился собеседник. И тут же насторожился: – Однако мне кажется, сюда кто-то идет!

Каверин ни капли не удивился, когда из-за деревьев выступила Полина. Особая агентесса номер два была бледна, но силилась улыбнуться.

⁵ На позицию! (франц.)

– Я велела кучеру ехать за вами, – объяснила барышня. – Он мертв?

– Полагаю, да, что меня несколько не волнует, – ответил Алексей спокойно.

Месье Перрен пристально оглядел Полину и, подняв бровь, обернулся к дуэлянту.

– Прошу прощения, – необычайно вежливо осведомился старик, – это ваша супруга?

Собственно говоря, на такой вопрос, по легенде, полагалось отвечать «невеста», но Каверин отчего-то замешкался с ответом.

– А кто такая та женщина? – спросила Полина, подходя к нему и кивая на людей возле распростертого на земле тела.

– Женщина? – поразился Алексей.

– Мужчина никогда не станет так заламывать руки, в каком бы отчаянии он ни был, – объяснила Полина своим невыносимым назидательным тоном. – Впрочем, еще когда спутник графа шел рядом, выдувая мыльные пузыри, я сразу же подумала: что-то тут не так. Так кто она?

Алексей пожал плечами и, обернувшись к Перрену, спросил у него, верно ли, что Луи Робер на самом деле – не Луи, а некоторым образом наоборот.

– Э... – в смущении проговорил Перрен, – вы совершенно правы, мадам...

– Мадемуазель, – подсказала Полина, милостиво улыбнувшись.

– Это, кхм, любовница покойного, Анжелика де Вильбуа. Она иногда сопровождала его в мужском платье.

Алексей вздохнул. Париж – город, находящийся выше его разумения. О всяком ему доводилось слышать, но чтобы любовница повсюду следовала за предметом своей страсти, переодевшись мужчиной... Положительно, мир менялся только к худшему!

– И вы не сказали мне, что второй секундант – женщина? – возмутился офицер.

– Я решил, что ни к чему отвлекать вас несущественными деталями, – объяснил Перрен, ухмыляясь.

К ним подошел мрачный Ксавье Марке, который подобрал свой цилиндр и теперь отряхивал его от грязи.

– Я надеюсь, вы засвидетельствуете, что все было по правилам? – спросил Перрен у доктора.

– Нет, это было убийство! – крикнула Анжелика. Ее хорошенькое личико было залито слезами.

– Ваш друг очень силен в фехтовании, – пробормотал смущенный доктор. – Разумеется, все было по правилам.

Анжелика упала на труп своего любовника и разразилась рыданиями. Перрен повернулся к офицеру.

– Если сегодня у вас еще с кем-нибудь назначена дуэль, – промолвил старик, поклонившись, – я сочту за честь снова побывать вашим секундантом.

– Нет, месье Видок, второй дуэли у нас не запланировано, – сладким голосом «пропела» Полина. – Более того, мой жених чрезвычайно сожалеет, что ему пришлось вас побеспокоить, наверняка оторвав от каких-нибудь важных дел.

– Месье Видок? – переспросил озадаченный Алексей.

Доктор, услышавший прозвучавшее имя, повернулся и пристальнее всмотрелся в лицо старика-секунданта.

– Боже мой! – пробормотал Ксавье. – Это вы! Это и впрямь вы! Так вот почему вы так низко опустили голову, когда выходили из фиакра...

– Та-та-та, месье Марке, – перебил его старик. – У каждого свои секреты, согласитесь! К примеру, я же не кричу на всех углах, как вы с вашим дядюшкой-аптекарем стряпаете пилюли для продления молодости, а между прочим, на днях как раз умер один из ваших пациентов! Что, еще одна молодость оказалась ему не по силам?

Ксавье позеленел, отшатнулся и удалился быстрым шагом.

– Что все это значит? – требовательно спросил Алексей. – Ваше имя не Перрен? Что за шутки, в конце концов?

Его собеседник приосанился и распрямил плечи.

– Это вовсе не шутки, сударь. Да, я не Франсуа Перрен. Мое имя – Эжен Франсуа Видок.

Глава 7

Бывший глава уголовной полиции. – Кое-что о пользе чтения. – Самолюбие оскорбленного литератора

Представьте, что вы пошли погулять по лесу, скажем, нарвать ягод или пособирать грибы, и вдруг встретили Бабу-ягу, или спящую красавицу, или Змея Горыныча, – и вы поймете потрясение, которое испытал молодой офицер, узнав, кем на самом деле был его секундант. Разумеется, господин Видок отнюдь не принадлежал к числу сказочных персонажей. Это был человек из плоти и крови, который, однако, еще при жизни сумел сделаться легендой. Бывший вор, бывший каторжник, человек с самого дна общества волею обстоятельств – и своей собственной – сделался сыщиком, ловцом преступников, а затем и главой Сюрте, французской уголовной полиции. Вынужденный спустя годы уйти в отставку, он открыл свое собственное частное бюро и между делом написал мемуары в четырех томах, которые были изданы в 1829 году. Сей труд поразил – и до сих пор продолжает поражать! – воображение множества людей, ведь Видок не просто изложил историю своих приключений – он создал своеобразную энциклопедию дна, его нравов, его привычек, быта, жаргона и приемов, какими обитатели дна зарабатывают себе на жизнь. И, поскольку он досконально изучил среду, которую описал, нет ничего удивительного, что и сыщиком он был блестящим. Его называли хамелеоном, человеком с тысячью лиц. Видок мастерски владел искусством переодевания – еще с юности, когда ему пришлось странствовать по Франции, разоренной гражданской войной, в годы, когда человеческая жизнь значила менее, чем горсть пыли. Он блестяще фехтовал и в свое время именно поэтому не сумел сделать карьеру в армии, ибо был слишком независим и по любому поводу дрался на дуэли, а помимо фехтования освоил и савату – тип народной борьбы, который часто его выручал. Впрочем, все умения были бы ничем, если бы их обладатель не являлся к тому же и замечательным психологом. В человеческом сердце для него не было тайн. Вначале это пригодилось ему, когда он был предоставлен самому себе и промышлял не слишком честными методами, позже – когда Видок решил вернуться в лоно общества и занялся искоренением преступности.

Несомненно, он был умен. Несомненно, он был изворотлив. И, само собой разумеется, его более чем богатое прошлое и уловки, с помощью которых он раскрывал самые запутанные дела, заставляли морщиться людей, кичащихся своей порядочностью. А так как никто и никогда не бывает порядочен до конца, то неудивительно, что Видока не любили – ведь он был осведомлен практически обо всех делах, которые творились в Париже, и в том числе о делах так называемых порядочных людей, которые почему-то предпочитали не выносить на суд обществу. Случалось, его клеймили предателем, шантажистом, бесчестным мерзавцем. У него было несколько громких судебных процессов, которые стоили бы репутации кому угодно, но Видок неизменно выходил сухим из воды. Сам он, конечно, прекрасно отдавал себе отчет в том, что его терпят только за его знания, которые могут понадобиться в любую минуту, – ведь случись громкая кража или какое-нибудь другое экстраординарное преступление, раскрыть его сумеет только он. Но с людьми Видок считался лишь настолько, насколько те считались с ним, и, что бы ни происходило в его жизни, умудрялся жить на полную катушку. Он был богат, независим и занимался делом, которое было ему по вкусу, а все остальное его не интересовало. Слава сего господина была неслыханна, правда, со скандальным привкусом, но это все равно была слава. В сущности, Видок достиг всего, чего хотел, а бульшим не может похвастаться ни один человек на свете. Единственное, чего ему не удалось – стать таким, как все, но, в конце концов, не столь уж и велика потеря.

В первое мгновение, разумеется, Алексей был поражен и не мог скрыть своего замешательства. Но, заметив торжествующие искорки в глазах собеседника, офицер опомнился и при-

нял безразличный вид. Такой уж у него был характер: Алексей терпеть не мог, когда его пытались застать врасплох.

– Значит, вы Видок, да? – спросил молодой человек. – Признаться, я слышал о вас.

Такое сдержанное начало немало обидело секунданта, ведь Видок был не прочь произвести впечатление.

– Слышали? – воскликнул он громовым голосом. – Да обо мне слышал весь мир! Скажу вам, не хвастая, сударь: мое имя известно даже в таких местах, где я сам отродясь не бывал. Но даже там оно наводит трепет!

«А ты, оказывается, тщеславен, – подумал Алексей. – Но, с другой стороны, почему бы и нет?» Каверин молча натянул жилет и фрак, которые ему протягивал «месье Перрен».

– Вы читали мои мемуары? – внезапно спросил Видок, хитро прищурясь.

– Нет, – признался бретер.

– А я – да, – подала голос Полина. – И узнала вас по портрету на фронтисписе... еще когда мой спутник разговаривал с вами на набережной.

– Говорят, мои мемуары заткнут за пояс любой роман. – Видок напыжился и пригладил галстук на груди. – Но, заметьте, я ничего не выдумывал. Даже наоборот: когда я принес рукопись в издательство, ее пришлось сокращать. Мой издатель сказал мне, что там есть места, гм... совершенно излишние, которые читателям будут неинтересны. Вообще сколько я тогда натерпелся! Ни одна моя фраза не пришлась издателю по вкусу. Он вымарывал, зачеркивал, переделывал, так что я даже сам не узнавал порой текст, который вышел из-под моего пера. Кроме того, он почему-то был уверен, что воришки должны выражаться благозвучным академическим языком. Это же просто смешно!

Алексею казалось, что он грезит наяву. Уж не ослышался ли он? Неужели этот самолюбленный павлин, жалующийся на придирки издателя, и есть тот самый Видок? По крайней мере, о своей книге пожилой господин говорил с горячностью начинающего литератора.

Полина с любопытством покосилась на Видока. Мадемуазель Серова отлично помнила толки в обществе, мол, автор не писал свои мемуары, а только надиктовал материал для литературных обработчиков и, как говорили, был не слишком доволен тем, что вышло в итоге.

– Вам бы следовало стать писателем, – заметила она. – Вы столько видели в своей жизни, что ни один из них с вами уже не сравнится.

– Конечно, писателем быть приятно, – согласился Видок, задумчиво крутя трость. – Плеть себе небылицы, потом помрешь, а твои книги все равно останутся. Здорово, черт возьми! Только мне никогда особо не нравилось описывать жизнь. Жить куда интереснее! Хотя у меня много знакомых писателей. Господин де Бальзак вывел меня в своей повести⁶. Вы знаете господина де Бальзака?

– Да, – кивнула Полина.

– Нет, – ответил Алексей. – А что, он знаменитый писатель?

– Разумеется! Неужели вы думаете, что я позволил бы писать о себе кому попало?

Каверина немало позабавила подобная разборчивость, и молодой человек усмехнулся:

– Вам повезло – большинство людей проживает свою жизнь, ни разу не попав даже в газетную хронику.

– Однако вы язва, дорогой месье! Но все равно я рад, что мне довелось познакомиться с вами. И, конечно, с вами, мадемуазель. – Видок отвесил собеседнице элегантный поклон и повернулся к дуэлянту. – Я бы никогда себе не простил, если бы не увидел, как вы уложили этого мерзавца. Каков удар, а? – Старик повторил тростью все движения Алексея. – Где вы ему научились, если не секрет?

⁶ «Отец Горио», вышел в 1835 году. Видок послужил прототипом для создания таинственного господина Вотрена. (Здесь и далее примечания автора.)

– У меня были хорошие учителя, – коротко ответил Каверин.

Видок понял, что молодой человек не расположен к откровениям, и не стал настаивать.

– В любом случае удар прекрасный, и я рад, что проходимец де Шевран отправился ужинать к ангелам, если не к чертям. – Он покосился на Полину, которая, судя по всему, сильно его занимала. – Полагаю, мадемуазель тоже не была против такого поворота событий.

И пожилой господин как-то очень ловко взял обоих особых агентов под руки и повел их прочь.

– Можно вопрос? – решился Алексей. Видок кивнул. – Кто он такой, этот граф? Мне показалось, вы его знали.

Видок осклабился. Из-под личины благообразного буржуа на мгновение выглянула физиономия бывшего каторжника, и Полина почувствовала себя неудобно.

– Знаете, – признался Видок, – когда вы давеча остановили меня на набережной, я, грешным делом, сначала решил, что это хитрость, дабы заманить меня в ловушку. Многие в Париже, знаете ли, мечтают свести со мной счеты, – пояснил старик, будто речь шла о самом обыкновенном деле. – Вы могли знать, что я однажды сталкивался с графом, но тогда он меня перехитрил. По правде говоря, меня чуть не убили, и с тех пор я все искал повода свести счеты с де Шевраном, но тот вел себя благоразумно. Вообще-то он замешан во множестве темных дел, но доказать его участие практически невозможно. Пройдоха-граф очень умен и осторожен... то есть *был* умен, пока не напоролся на вас. – Слово «был» господин Видок выразительно подчеркнул голосом.

– А почему вы все-таки согласились пойти со мной, если подозревали, что можете попасть в ловушку?

Видок усмехнулся.

– Видите ли, мой мальчик, самое главное в моем ремесле... нет, вообще в жизни человека – умение перебороть свой страх. Мужество, знаете ли, очень дорого приобретается, но оно того стоит. И про себя я могу сказать, что не боюсь никого и ничего. Я был в тюрьме, прошел через каторгу и еще видел гражданскую войну, а это, поверьте мне, страшнее любых тюрем на свете. Что касается вас, то тут все просто. Вы могли сказать мне правду, а могли и солгать. Если бы вы мне солгали, я бы попал в неприятную ситуацию, но ведь я знал о ее возможности, и у вас все равно не вышло бы заставить меня врасплох. Ну а если вы сказали правду, то было бы глупо пропустить забаву, в которой участвовал сам господин граф. По крайней мере, я не разочарован.

Они были уже возле фиакров. Одна из лошадей – светлая, в яблоках – дремала, свесив голову. Проходя мимо, Полина не удержалась и погладила ее по шее. Ей почему-то всегда нравились кони именно в яблоках.

– Если хотите, – предложил Видок, – могу вас подвезти.

– Нет нужды, – отказалась Полина, – мой фиакр тоже здесь. Благодарю вас, сударь.

– Не за что, мадемуазель, – вежливо отвечал бывший каторжник. – И запомните: если вам понадобится помощь, старина Видок всегда к вашим услугам. Я не забываю своих друзей, а тот, кто уложил Максима де Шеврана, мне точно друг.

– Я запомню, – отозвался Алексей. – Всего доброго, месье Перрен.

Видок кивнул на прощание и забрался в фиакр. Алексей и Полина сели в тот, в котором агентесса номер два добралась до Булонского леса.

– А теперь, – вздохнула барышня Серова, – нам все-таки придется рассказать обо всем в посольстве.

И фиакр покатиł обратно в Париж под цокот лошадиных копыт и мерное посвистывание кнута.

Глава 8

Игра воображения бретера и барышни. – Прискорбная кончина жемчужно-серого жилета. – Принц крови. – О пользе обмороков в нужный момент

Глубокой ночью в особняке российского посольства бодрствовали четверо.

Первым из них был Алексей Каверин. Во все продолжение беседы перед его мысленным взором рисовались Кавказские горы, куда власти в то время, совмещая приятное с полезным, посылали воевать особо строптивых офицеров. «Не сорвали бы погоны... Э, да что погоны! Ведь и в Сибирь отправить могут, не то что на Кавказ...»

Второй бодрствующей была, само собой, мадемуазель Серова. Перед ее мысленным взором красовался магазин Анри, в котором продавали расписные веера из шелка и слоновой кости, отделанной золотом. И чем более неприятный оборот принимала беседа, тем глубже Полина погружалась в атмосферу дамских безделушек, не забывая при этом мило улыбаться – что, к слову, особенно выводило из себя двух собеседников бретера и барышни.

Третьим полуночником был барон М., посол, ссутулившийся и вроде как даже постаревший. А последним, ясное дело, – Серж Новосильцев, чьи губы были сжаты так плотно, что образовывали одну прямую линию.

Причина недовольства Сержа станет понятна, если мы сообщим, что чудодейственному жемчужному жилету, равному которому не было даже у английского посланника, пришел конец. Ведь коварный Максим де Шевран успел полоснуть Алексея по ребрам, и немного крови угодило на одежду. Самая малость, всего лишь капелька, но всякому известно, как ее трудно отстирать. Стало быть, на роскошном жилете можно было поставить крест, ибо испачканная одежда для *homme comme il faut*⁷ – дело немыслимое, шокирующее и, можно даже сказать, позорное.

Впрочем, дело было не столько в жилете, сколько в том, что ни Матвей, ни кучер в посольство до сих пор не возвратились и, если говорить начистоту, не было никакой надежды на то, что они возвратятся.

– Но вам же ясно было приказано: не упускать Матвея из виду! – кричал Серж.

В присутствии барона он допросил офицера и агента номер два с пристрастием. Шкатулка из фиалкового дерева, неведомо откуда взявшаяся, повергла Новосильцева в недоумение, а известие о дуэли – в ярость.

– Вы хоть представляете себе, кто такой Максим де Шевран? Да завтра весь Париж будет судачить о том, что он дрался с вами!

Хорошо еще, Алексей не проговорился, что его секундантом был не кто иной, как сам Видок, не то Серж бы точно начал рвать волосы у себя на голове.

– Немыслимо, немыслимо, просто немыслимо! – повторял Новосильцев, когда Каверин рассказал о том, в каком состоянии агенты застали Эпине-Брокера по возвращении в дом.

Когда допрос был наконец окончен, Новосильцев, яростно жестикулируя, обратился к барону, который все время находился тут же, но не произнес практически ни слова. Французские слова сыпались из уст Сержа с такой скоростью, что Алексей и Полина даже не пытались поспеть за ними. Полина уловила только многократно повторяющееся *imbéciles, position dangereuse, hors de contrôle* и *scandale diplomatique*⁸.

⁷ Человека, приличного во всех отношениях (*франц.*).

⁸ Глупцы, опасное положение, вышло из-под контроля, дипломатический скандал (*франц.*).

Барон устало кивал. Под глазами у него пролегли круги от бессонницы.

– Итак, подведем итоги, – ядовито обратился Серж к притихшим агентам. – Вы должны были охранять Матвея, и его нет. Вам поручили доставить шкатулку с протоколами, и вы не справились с заданием. Более того, один из вас ввязался в совершенно немыслимую историю, убил ни в чем не повинного человека. И... и еще Эпине-Брокер.

– Да, Эпине-Брокер, – промолвил барон.

– Мы не убивали его, – раздраженно отозвался молодой офицер, – если вы это имеете в виду.

Новосильцев иронически воздел к потолку руки:

– Имеем в виду! Господи, Алексей Константинович, сейчас не время перебрасываться словами. Где гарантии, что вас никто не видел, когда вы заходили к нему второй раз? Полиция, знаете ли, любит иной раз сопоставлять факты, а сопоставив их, она может прийти к выводу, что Эпине-Брокера убили вы.

– Приглашение, – напомнил барон.

– Да, – подтвердил Серж. – Оно поддельное, вот в чем беда. Само собой, на бал масок вас никто не приглашал. Так что если начнут проверять приглашения...

Барон незаметно зевнул, прикрыв рот рукой.

– У полиции могут зародиться очень серьезные подозрения, – закончил Новосильцев почти трагически. – Теперь видите, в какую историю вы нас втянули?

Алексей молчал, стиснув челюсти. Он всего лишь выполнял приказы, которые с ним не обсуждали. В чужой комбинации, плохо задуманной и плохо разыгранной, ему пришлось играть предписанную роль, и теперь, когда все провалилось, оказалось, что он же и виноват во всем.

«Какие они бессердечные, – думала меж тем Полина. – И ни во что нас не ставят. Пожалуй, я куплю не два веера, а три! И еще надо будет заглянуть в тот парфюмерный магазин...»

И барышня погрузилась в царство грез. Только не подумайте, что мадемуазель Серова была и впрямь так глупа, как расписывал Серж Новосильцев. Просто она придерживалась правила – никому не давать портить себе жизнь, пусть даже из государственных соображений, а, наоборот, доставлять себе как можно большее число поводов для радости.

Серж прошелся по комнате, раздраженно поправляя манжеты. Он все еще переживал из-за погибшего жилета.

– Что же нам теперь делать? – спросил Каверин.

– Вам? – Сотрудник посольства круто повернулся на каблуках. – Все, что вы могли, вы уже сделали. Неужели вам мало?

Барон шевельнулся. А затем устало молвил, видя, что офицер вот-вот взорвется:

– Довольно, Серж. Взаимные пререкания ни к чему не приведут. Ясно, что положение более чем щекотливое, и... не будем ссориться.

Новосильцев пожал плечами и повалился в кресло. Полина увидела выражение лица Алексея – и тотчас же решила, что купит на казенный счет не три веера, а четыре. Или сразу пять. Это была единственная месть, которую она могла себе позволить, но зато какая сладкая!

– Что Максим де Шевран делал на маскараде? – спросил вдруг барон М., потирая переносицу.

– Вы о чем? – удивился Серж.

– Вы слышали о той его истории с Видоком? Какое-то темное дело – любовные письма... вымогательство...

– Граф утверждал, что его подставили, и сделал это сам Видок.

– Любопытно, – бесстрастно уронил барон. – И все же де Шевран – не тот человек, который пошел бы к Эпине-Брокеру просто поразвлечься. В сущности, они одного поля ягоды.

– Вы думаете...

- Убежден, что граф был там не просто так.
- Гм... Очень может быть, – растерянно пробормотал Серж.
- И господина Каверина вызвали на дуэль вовсе не случайно.

Полина не стала напоминать, что говорила присутствующим то же самое, в том числе Алексею, и не раз. Мыслями барышня уже перенеслась в парфюмерный магазин.

Барон шевельнул бровями и задумался. Наконец с расстановкой проговорил:

– Я вот думаю...

– Да, ваше превосходительство? – почтительно промолвил Серж.

– А не была ли вся произошедшая история чистой воды провокацией? Предположим, кто-то узнал о наших планах относительно протоколов и решил это использовать. Ведь что получается: если бы господин Каверин замешкался, не исключено, что его бы задержали у еще не остывшего трупа Эпине-Брокера с компрометирующими бумагами на руках. Вы представляете себе, какие заголовки появились бы в европейских газетах?

На подвижной физиономии Новосильцева сменялись восхищение, почтение и самое настоящее благоговение перед прозорливостью начальника, высказавшего мысль настолько глубокую, что она бы никогда не пришла в голову его подчиненному.

– И тогда, – добавил барон М., – мы должны быть благодарны нашим людям за то, что они так быстро сориентировались в ситуации и сделали единственное, что можно было сделать, а именно – скрылись.

– Но дуэль! – вскричал Серж.

Барон сделал нетерпеливый жест.

– Повторяю, я не верю, что Максим де Шевран пришел на бал без всякой задней мысли. Возможно, он как раз и должен был не дать нашему человеку уйти, а потому решил припугнуть его дуэлью. Вы же сами знаете, у покойного была репутация человека, с которым никто не желал связываться. Но особенно меня настораживает то, что он находился там не один. Мадемуазель Анжелика всегда была с ним заодно, когда они проворачивали очередное темное дело. Да и тот третий, которого вы назвали Ксавье Марке, несколько не лучше их, как я слышал.

– Да, – пробормотал Серж, – я как-то упустил из виду данное обстоятельство.

– Ничего страшного. – Барон вздохнул и поглядел на огромные напольные часы в стиле рококо со всевозможными завитушками и пухленькими улыбающимися амурчиками. – Пожалуй, сегодня мы больше ничего не придумаем. Надо затаиться и ждать, какой оборот примут дела. Хуже всего, конечно, то, что Матвей исчез, и я боюсь, что это было частью плана против нас. Он очень ценный свидетель, не забывайте.

– Ничего, – сухо сказал Серж, – когда с ним Тимофей, далеко ему все равно не уйти.

– Тимофей? – переспросил Каверин.

– Кучер, – пояснил Новосильцев, – получил от нас указание не терять из виду вас и Матвея.

Алексей поморщился. Мол, узнаю родное отечество: шпионить за всеми, за кем только можно, и за самими шпионами в том числе.

– Как же так получилось, что ваш хваленый Тимофей уехал без нас? – спросила Новосильцева мадемуазель Полина.

– Не знаю, – ответил за Сержа барон. – Возможно, возникли какие-то особые обстоятельства, о которых мы не ведаем. Но вы не беспокойтесь за Тимофея. Он человек бывалый и сумеет постоять за себя... Спокойной ночи, господа. И вам того же, сударыня.

Барон поднялся с места и проследовал к выходу. А возле двери обернулся к агентам:

– Я бы попросил вас какое-то время не покидать территорию посольства, пока все не прояснится. Уверен, скоро мы узнаем, в чем тут дело.

– Но наши слуги... – начала Полина. – И вещи. Они все в особняке.

– Утром пошлете за вещами и за слугами. Все равно, насколько мне известно, – барон М. улыбнулся, – вам пришлось не по вкусу ваше жилище.

Полина нахохлилась. Месть с посещением магазинов, где она собиралась отплатить чиновникам за их обхождение, откладывалась.

– Так мы теперь что же, пленники? – не удержавшись, спросила она у Алексея, когда за послом и Сержем затворилась дверь.

– Похоже на то, – отозвался Каверин.

За недостатком свободных помещений агентам особой службы отвели комнаты на чердаке, под самой крышей. Офицер всю ночь ворочался с боку на бок. Что же до Полины, то барышня, наоборот, сразу же заснула сладким сном, и во сне ей виделись бесчисленные веера и зеркала, которые танцевали вокруг нее.

Следующий день, 7 июля, прошел без всяких происшествий. Алексей и Полина послали за слугами, а когда те явились, велели им собирать вещи и переезжать в посольство. Горничная объявила, что ни за что не управится за один день.

– А часы! А книжки ваши, барышня! А посуда! Нельзя, никак нельзя. Все же следует упаковать, завернуть как надо... Вон, Гришке дела мало – у его господина один сундучок, и только. А я не могу хозяйское добро бросать.

Полина вздохнула и отправилась к Каверину, посоветоваться насчет создавшегося положения.

– Разумеется, я скажу денщику, чтобы помог вашей горничной... – начал Алексей. Но тут в дверь влетел кипящий, аки чайник на вулкане, Серж Новосильцев, и буквально завопил:

– Послушайте, это неслыханно! Почему вы не сообщили нам, что секундантом на дуэли был писака и каторжник Видок?

Агент номер один и агент номер два переглянулись.

– А мы не знали, – объявила Полина, глядя на сотрудника посольства честнейшими незабудковыми глазами. И для усиления эффекта похлопала ресницами, как бабочка – крыльями.

– Мы и понятия не имели, – поддержал напарницу Алексей. – Если вы о моем секунданте, то мне он сказал, что его зовут Франсуа Перрен.

– А доктор Марке говорит, что мадемуазель узнала его, – ехидно ввернул жестокосердный Серж, похоже, совершенно к бабочкам равнодушный.

– Я? – изумилась Полина. – Помилуйте, сударь! Как же я могла его узнать, если никогда прежде не видела?

Серж заколебался. И в самом деле, как?

– Вот уж история... – проскрежетал Новосильцев. – Во всех салонах только и говорят, что о дуэли и о вашем ударе, сударь. Все убеждены, что вы по меньшей мере наемный убийца, *prince du sang*⁹, раз сумели дать отпор графу де Шеврану.

Алексей вздохнул: так, понятно... Сначала охранник вора, теперь наемный убийца... Все одно к одному.

«А ему очень идет, когда он сердится, – подумала Полина. – Принц крови, надо же!»

– Месье Новосильцев, мне надо сделать кое-какие покупки, – объявила она. – Я должна приобрести очень-очень важные и нужные вещи!

– Сожалею, сударыня, – ответил Серж, кланяясь, – но впредь до особого разрешения барона вас запрещено выпускать из особняка.

И, мило улыбнувшись, сотрудник посольства удалился, довольный собой.

– Все-таки пленники, – констатировал Алексей.

– Но мы ничего не сделали! – возмутилась Полина. (Дуэль и попытка ограбления, само собой, в счет не шли.)

⁹ Буквально: принц крови, аристократ королевского происхождения; в переносном смысле – убийца (*франц.*).

– Судя по всему, это и вменяют нам в вину.

От посольских слуг Алексей узнал, что о Матвее по-прежнему нет никаких известий, а преданный кучер Тимофей как в воду канул. Однако вскоре на окраине были обнаружены тела двух мужчин с огнестрельными ранениями. Один, убитый наповал, оказался Тимофеем, второй, который получил пулю в голову, но остался жив, – Матвеем.

– Он сможет что-нибудь рассказать? – тревожно спросила Полина. – Что с ними произошло?

– Матвей лежит в бесспамятстве, – угрюмо ответил Алексей. – И ему очень повезет, если он сумеет выкарабкаться.

Барон М. навестил особых агентов и дал им понять, что дела их плохи. Кое-кто заметил карету Тимофея у особняка Эпине-Брокера, и полиция недалеко от того, чтобы связать убийство авантюриста де Шеврана с таинственным нападением на двух русских. А тут еще и дуэль, так некстати привлекающая внимание парижского света!

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы замять это дело, – сказал посол. – Мы пустили слух, что вы были ранены на дуэли, и теперь вам придется уехать.

Признаться, на иной исход Алексей и не рассчитывал. Полина молчала, сжав губы, и вид ее не предвещал ничего хорошего.

– Боюсь, – признался посол, – больше я ничего не смогу для вас сделать.

Когда барон ушел, Полина внезапно залилась слезами.

– Полина Степановна! Что с вами?

– Портрет! – простонала Полина. – Портрет Лёвушки! Я только сегодня заметила... Маша и ваш слуга... перевезли все вещи... а портрет забыли. Я на стену его повесила...

Барышня топнула ножкой по ковру и зарыдала еще громче.

В офицерской среде все знают друг друга, и надо сказать, что Каверин, наслышанный о Лёвушке, считал друга детства мадемуазель Серовой редкостным болваном. Но Алексея тронуло волнение Полины, и он стал ее успокаивать: мол, отъезд ведь не прямо сейчас предстоит, за портретом можно послать Машу или Григория.

– Кухарка сказала Маше, что наших слуг тоже велено не выпускать, – пожаловалась Полина, вытирая слезы. – А кухарка знает все, что творится в посольстве.

– Тогда я сам схожу за портретом, – заявил Алексей.

– Вы? – изумилась Полина.

– Ну, нельзя же оставлять портрет вашего друга в том негостеприимном заброшенном доме, – серьезно ответил офицер. По правде говоря, его душу грела мысль, что он таким образом покажет нос чопорному барону и его клевету.

– Вы думаете, вам разрешат покинуть посольство? – недоверчиво спросила барышня с незабудковыми глазами.

– А я и не собираюсь спрашивать разрешения, – коротко ответил Алексей, и его глаза сверкнули.

Через час, одевшись попроще и затесавшись в толпу рабочих, которые разгружали припасы для посольской кухни, Алексей Каверин поставил на плечо пустой ящик, надвинул на нос картуз, прошел мимо часового, скучавшего возле черного хода, и был таков. Из окна за ходом операции наблюдала восхищенная до глубины души Полина Степановна.

Оказавшись за сотню шагов от посольства, Алексей отбросил ящик, снял картуз и ускорила шаг. Вернуться он собирался через главный вход, неся под мышкой портрет, и уже сейчас предвкушал, как вытянутся физиономии барона М. и Сержа Новосильцева, когда те поймут, что агент номер один обвел их вокруг пальца. Но тут госпожа Удача решила, что была достаточно долго благосклонна к нашему герою, и отвернулась от него.

Итак, Каверин шел себе по улице, когда с ним поравнялась медленно едущая карета. Затем на голову офицера рухнуло небо, и Париж скрылся из вида.

Когда небо вернулось на место, Алексей открыл глаза и увидел прямо напротив себя человека в маске, закрывавшей все лицо. Видно было только, как сквозь прорези сверкают светлые глаза, и взор их молодому человеку сразу же безотчетно не понравился.

Не сказав ни слова приветствия, даже не представившись, незнакомец выхватил кинжал и без всяких церемоний приставил его к горлу пленника – настолько близко, что Каверин мог чувствовать, как острие царапает кожу. Оглядевшись, офицер определил, что находится в экипаже, который мчится в неизвестном направлении; но вовсе не это занимало его в тот момент.

– Скажи мне, где шкатулка, и я дам тебе умереть легкой смертью, – процедил убийца сквозь зубы. – Ну?

– Шкатулка? – с трудом ворочая языком, переспросил Каверин.

Светлые глаза еще яростнее блеснули.

– Да, шкатулка из фиалкового дерева. Я знаю, что она у тебя.

Незнакомец чуть-чуть, самую малость, шевельнул рукой, и Алексей почувствовал, как струйка крови потекла по его шее.

– Ах, та шкатулка, – пробормотал он. – Она...

Молодой человек закрыл глаза, и голова его откинулась назад.

– Эй, ты что? – сердито произнес убийца и отвел нож от горла потерявшего сознание офицера.

Этого было достаточно, чтобы притворившийся обеспамятевшим Алексей собрался и со всей силы ударил незнакомца лбом в лицо. Жестокий прием оправдал себя. Нос незнакомца хрустнул, как раздавленная груша. Убийца взвыл и схватился за лицо.

Каверин рванулся к кинжалу, но убийца был начеку. Он попытался ударить первым, однако Алексей увернулся и ударил противника выше колен, хоть и ниже пояса. Неизвестный сдавленно вскрикнул, и пленник вывернул ему руку. Кинжал упал на пол.

Карета громыхла по камням. Алексей потянулся за кинжалом, но тут экипаж подбросило на каком-то ухабе, и он упал. Убийца навалился сверху. Оба тянулись за кинжалом, карету мотало из стороны в сторону. Незнакомец придавил молодого человека к полу и стал душить. Поняв, что терять ему нечего, Каверин из последних сил дернулся, схватил клинок и с размаху всадил его противнику в глаз. Тот с воем сполз на пол.

Алексей отшвырнул тело и, приоткрыв дверцу кареты, выглянул наружу. Лошади мчались во весь опор. На какой-то улочке они чуть не задавили рабочего, и тот, едва успев отскочить, послал вдогонку взбесившейся карете сочное французское ругательство.

Улучив момент, на повороте, когда кучер был вынужден придержать лошадей, Каверин выпрыгнул из экипажа, рискуя при падении переломать все кости. Но все обошлось, только в спине что-то неприятно хрустнуло. Молодой человек вскочил и бросился прочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.